

ВЕС ПРАВДЫ

A movie poster for the Russian film 'The Weight of Truth' (Вес правды). The central figure is actress Anna Lunova, dressed in a dark, long coat over a light-colored blouse, holding a stack of rolled-up blueprints and a large brass ruler. She stands on the deck of a fantastical, multi-tiered ship. The ship's structure is composed of dark metal and glass, with numerous glass cases containing small, glowing human figures. The background shows a dramatic, stormy sea under a cloudy sky at sunset or sunrise. In the distance, another figure in a uniform stands on a higher deck, looking out at the ocean. The overall atmosphere is mysterious and epic.

АННА ЛУНЦЕВА

Анна Лунцева

Вес правды

«Автор»

2026

Лунцева А.

Вес правды / А. Лунцева — «Автор», 2026

Архитектор Лада Корс строит комнаты, в которых невозможно сознательно солгать. Когда плавучий архив «Палимпсест» начинает тонуть у причала Морены, она обнаруживает: судно перегружено не документами, а последствиями воспоминаний, которые государственная версия годами объявляла невесомыми. Капитан-цензор Марек Вейн обязан спасти людей, выбросив «лишнюю» память. Лада требует другого пути — сети малых комнат, где человек сам решает, что можно хранить, переносить и связывать с чужими свидетельствами. Их влечение становится испытанием не меньше шторма: близость не даёт права выбирать цену друг за друга. Чтобы архив удержал несовместимые голоса и перестал подчиняться единственной официальной правде, Ладе придётся отдать способность слышать музыку. Но даже спасённое судно не ответит за неё на главный вопрос: как жить после дара и построить систему, которая сможет обойтись без своего создателя?

© Лунцева А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Комната номер семь	6
Глава 2. Капитан выбрасывает первым	14
Глава 3. Музыка в стенах	20
Глава 4. То, о чём можно молчать	27
Глава 5. Реестр принятого веса	33
Глава 6. Сестра слышит иначе	37
Глава 7. Право капитана	43
Глава 8. Нижняя палуба	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Анна Лунцева

Вес правды

От автора

Правда кажется лёгкой, пока её не приходится нести вместе с последствиями. Мы охотно представляем её ясным ответом, который достаточно произнести вслух. Но одно событие может жить в нескольких несовпадающих воспоминаниях, и право человека молчать не всегда означает ложь.

Этот роман — о городе, решившем хранить прошлое на корабле, и о людях, которые слишком поздно заметили: тяжелее всего становятся не сами воспоминания, а обязанность считать одну удобную версию окончательной. Магический механизм здесь вымышлен, но вопросы у него человеческие: кто выбирает, что достойно хранения, может ли честность быть принудительной и что остаётся от близости без гарантии полного знания друг о друге.

Комнаты правды не умеют устанавливать истину. Они только не позволяют сознательно солгать. Всё остальное героям придётся сделать самим: услышать молчание, выдержать противоречие, назвать цену спасения и не перепутать любовь с правом распоряжаться чужой памятью.

Глава 1. Комната номер семь

К утру комната номер семь научилась дышать.

Стеклянные стены едва заметно сходились на вдохе и расходились на выдохе, повторяя движение моря под днищем «Палимпсеста». Обычный человек принял бы это за игру света. Лада Корс слышала в каждом колебании чистую кварту — устойчивый интервал, на котором можно было поставить голос, вопрос и человеческий страх.

Она стояла босиком посреди комнаты и слушала.

За стеклом начинался Моренский рассвет. Небо над портовыми кранами светлело полосами, похожими на старую нотную бумагу, а город ещё не решил, каким ему быть сегодня: каменным берегом или отражением в воде. Судно-архив лежало у причала тяжело и неподвижно. По верхней палубе перекачивался медный блеск. Ниже ватерлинии хранились чужие дни — принятые под присягой, измеренные, опечатанные и занесённые в реестр.

Лада подняла ладонь к восточной стене.

— Эта комната безопасна, — произнесла она.

Голос прозвучал ровно. Стекло ответило квартой.

— Эта комната никому не причинит вреда.

Последнее слово погасло у неё во рту.

Не стало тише — исчезло совсем, будто между языком и воздухом кто-то захлопнул маленькую дверь. По стене пробежала серебряная жилка. Комната приняла сознательную ложь и отвела её напряжение в нижнее кольцо.

Лада выдохнула. Так и должно было быть. Безопасность зависела не только от чертежа. Сегодня здесь должны были задавать вопросы о пожаре в северных мастерских, где погибли двенадцать человек. Ни одна конструкция не могла сделать такое слушание безвредным.

Она коснулась жилки двумя пальцами. Та была холоднее остального стекла.

— Но я сделала всё, чтобы стены выдержали, — сказала Лада.

На этот раз голос остался с ней.

Дверь открылась без стука. Адела Мор вошла боком, придерживая под мышкой толстую папку. Старшая хранительница носила тёмные платья с множеством узких карманов, и сегодня из каждого торчали бирки, ключи, мел и скрученные ленты реестра.

— Ты опять сняла обувь.

— Подошва врёт о вибрации.

— Подошва спасает от заноз и чиновников. В восемь прибудет береговой суд.

Лада взглянула на часы над входом. До восьми оставалось двадцать семь минут.

— Комната готова.

Адела остановилась у порога. В комнатах правды она всегда двигалась особенно осторожно, словно боялась нечаянно ответить на вопрос, которого никто не задал.

— Готова — это когда выдержит слушание, — сказала она. — А сейчас она новая.

— Ты можешь спросить меня о расчётах.

— Я верю расчётам. Людям — выборочно.

Это не было ложью, и стекло промолчало.

Адела положила папку на стол для свидетеля. На обложке стоял герб Морены: башня, поднятая из трёх волн. Под ним чернилами было выведено имя — «Инеcса Вар, мастер третьей линии».

— Она единственная согласилась говорить?

— Единственная, чьё свидетельство суд признал относящимся к делу.

— Это не одно и то же.

— Именно поэтому канцлер хочет комнату.

Лада надела туфли. В последние месяцы береговой суд всё чаще переносил слушания на «Палимпсест». Официально — ради сохранности показаний: произнесённое в резонансном стекле сразу связывалось с архивной печатью. На деле чиновникам нравилась простая картина. Человек входит, человек не может солгать, значит, всё сказанное превращается в истину.

Того, что человек мог молчать, ошибаться, бояться вопроса или не знать слов для пережитого, герб на папке не объяснял.

— Как сформулирован предмет слушания? — спросила Лада.

Адела не ответила сразу. Вынула лист, протянула ей.

«Установить отсутствие умышленного нарушения правил хранения горючих составов управляющими северных мастерских».

Лада перечитала строку.

— Они уже установили отсутствие.

— Они хотят, чтобы его установила комната.

— Комната ничего не устанавливает.

— Скажи это Эвару Толю.

— Скажу.

— Не сегодня.

— Тогда зачем ты показала мне лист?

Адела посмотрела на неё поверх тонких очков. В её лице было то усталое терпение, с которым взрослые переживают чужую молодость, хотя Ладе исполнилось тридцать три и собственное упрямство она давно считала не возрастом, а методом.

— Чтобы ты знала, какой вес войдёт в твою комнату.

Снизу донёсся короткий металлический удар.

Стол дрогнул. Чернильница сдвинулась на толщину ногтя.

Лада замерла.

— Это разгрузочная лебёдка? — спросила Адела.

— Нет.

Она наклонилась, прижала пальцы к полу. Привычная кварта комнаты лежала поверх глухого низкого тона, которого здесь быть не должно. Не звук машины — отзвук всего корпуса, слишком медленный, чтобы его услышать ушами. «Палимпсест» сел в воду и ещё не успел выровняться.

— Приняли груз ночью?

— Реестр молчит.

— Реестр не умеет молчать сам.

Адела захлопнула папку.

— После слушания спустимся к весовым колодцам.

— До слушания.

— До слушания на трапе будет канцлер, две судебные группы, представители мастерских и полсотни родственников погибших. Если мы закроем зал без показания приборов, Эвар объявит это саботажем.

— А если корпус уже принял неизвестную нагрузку, сорок человек над новой комнатой — показание прибора.

— Сколько тебе нужно?

— Десять минут.

— У тебя семь.

Лада вышла первой.

В коридоре пахло солью, горячей медью и бумажной пылью. Судно просыпалось вокруг них: хранители снимали ночные пломбы, курьеры катили узкие тележки с футлярами, механики обменивались короткими выкриками через вентиляционные шахты. На стенах висели

таблички с названиями архивных отсеков: «СЕМЕЙНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА», «ГОРОДСКИЕ КАТАСТРОФЫ», «ОТКАЗЫ ОТ ПРЕТЕНЗИЙ». Последняя всегда заставляла Ладу ускорять шаг.

Они спустились на одну палубу. Здесь иллюминаторы смотрели почти вровень с водой. За толстым стеклом море поднималось и опускалось, перечёркивая утро чёрной линией.

У весового колодца уже стояла Сона Рей. Корабельный механик держала в зубах карандаш, а обеими руками затягивала ремень на измерительной раме. Её синие рукава были закатаны выше локтей.

— Семь минут, — сказала Адела.

— У меня было двадцать, пока ваш суд не потребовал запустить парадную вентиляцию, — отозвалась Сона, не вынимая карандаша.

Лада присела возле рамы. Внутри вертикальной трубы плавал медный диск, связанный с осадкой судна. Красная риска проходила по его верхнему краю.

— Насколько?

— На два пальца ниже ночной отметки. Корма — на три.

— Вода в балласте?

— Балласт на месте. Топливо на месте. Людей прибыло меньше сотни. Даже если канцлер везёт с собой совесть, столько она не весит.

Адела неодобрительно кашлянула.

Сона вынула карандаш.

— Это я могу повторить в седьмой комнате.

Лада провела ногтем по стеклу трубы. Медный диск колебался неравномерно: два коротких движения, одно длинное. Ритм приходил с глубины, из закрытых трюмов.

— Какой отсек?

— Пока не знаю. Ночные журналы чистые.

— Слишком чистые?

— Неприлично чистые. Последняя запись в двадцать два ноль семь: принят семейный футляр, вес шесть делений, владелица согласна на хранение. Потом до шести утра будто всё судно умерло от примерного поведения.

Лада посмотрела на Аделу.

— Кто имеет право закрыть ночной реестр?

— Капитан. Старшая хранительница. Председатель берегового суда при государственной приёмке.

— Ты закрывала?

— Нет.

Стекла комнаты здесь не было, но Лада и без него знала: Адела сказала правду.

Над головой прозвенел судовой колокол. Один длинный удар, два коротких — прибыл председатель суда.

— Осталось три минуты, — сказала Адела.

Сона подалась к ним.

— Отмените слушание.

— Есть аварийное основание? — спросила хранительница.

— Будет, когда я найду источник.

— Мне нужно основание, которое можно внести в журнал сейчас.

Сона выругалась одними губами.

Лада выпрямилась. Сквозь подошвы туфель она всё ещё чувствовала низкий тон. Комната номер семь стояла двумя палубами выше, точно над соединением продольных балок. Если неизвестная нагрузка сместится, резонансное стекло примет её первым.

— Ограничьте доступ, — сказала она. — Свидетель, судья, секретарь. Остальные за внешней стеной. И никаких параллельных архивных печатей, пока Сона не проверит кормовые отсеки.

— Эвар не согласится.

— Тогда у тебя будет основание: архитектор отозвала допуск.

Адела прищурилась.

— Ты его отзываешь?

Лада услышала собственное сердце — торопливое, слишком высокое для утренней тишины.

— Нет. Я ограничиваю расчётную нагрузку.

— Осторожная правда, — сказала Сона.

— Другой у меня пока нет.

Они вернулись наверх, когда чиновники уже заняли коридор. Судебные служители в серых мундирах отделяли родственников погибших от представителей мастерских шнуром, будто горе и ответственность могли смешаться от случайного прикосновения. За внешней стеклянной стеной комнаты теснились журналисты. Вспышки магнелийских ламп отражались в море.

Канцлер Эвар Толь ждал у двери.

Он был высок, сух и безупречно собран. Серебряная цепь должности лежала на воротнике так ровно, словно её прибили к ткани. Рядом стояла невысокая женщина в коричневом пальто. Она держала шляпу обеими руками и смотрела не на канцлера, не на дверь — на пол, под которым хранился пожар.

Инесса Вар, поняла Лада.

— Архитектор Корс, — сказал Эвар. — Нам сообщили о внезапном ограничении мест.

— В комнату войдут четверо: свидетельница, вы, секретарь и я.

— Ваше присутствие не предусмотрено порядком.

— Это первое слушание в новой конструкции.

— Приёмочная комиссия подписала допуск.

— Я подписала допуск при обычной осадке. Сейчас она изменилась.

В коридоре стало тише. Люди за шнуром ловили каждое слово.

Эвар посмотрел на иллюминатор, где вода поднималась почти до середины стекла.

— Судно меняет осадку ежечасно.

— На миллиметры. За ночь корма опустилась на три пальца.

— Капитан уведомлён?

— Механик ищет источник.

— Значит, источника вы не знаете.

— Именно поэтому ограничение остаётся.

Он улыбнулся едва заметно. Не насмешливо — скорее с признанием того, что фигура на доске сделала ожидаемый ход.

— Хорошо. Но если комната открывается, слушание состоится полностью. Госпожа Вар даст показания по утверждённому перечню вопросов.

Лада перевела взгляд на свидетельницу.

— Вы хотите войти сейчас?

Инесса впервые подняла голову. Лицо у неё было серым от бессонницы, левую бровь пересекал старый ожог.

— Если я не войду, они запишут, что я отказалась.

— Я спросила, хотите ли вы.

Женщина стиснула поля шляпы.

— Хочу, чтобы сестру перестали называть несчастным случаем.

Стекло ещё не окружало их, однако фраза ударила по коридору сильнее, чем могла бы ложь.

Эвар сделал секретарю знак открыть дверь.

Внутри комнату изменили за те несколько минут, что Лада отсутствовала. На столе лежала судебная печать — плоский чёрный камень в медной оправе. От неё к полу тянулась тонкая цепь, подключённая к архивному контуру.

— Я запретила параллельную печать, — сказала Лада.

— Вы просили её не использовать до проверки, — ответил Эвар. — Проверка идёт. Мы не можем провести официальное слушание без записи.

— Можем отложить.

— Не можем, если свидетельница явилась и настаивает.

Инесса уже села. Шляпу положила на колени. Её пальцы оставляли на коричневом фетре белые вмятины.

Лада подошла к печати. От чёрного камня шёл низкий гул — тот же ритм: два коротких движения, одно длинное. Цепь не просто связывала комнату с архивом. Она тянула к ней неизвестный вес из глубины судна.

— Отключите её, — сказала Лада.

— На каком основании? — спросил Эвар.

— Контур перегружен.

— Приборы комнаты показывают норму.

Он указал на три зелёные нити над дверью. Они действительно горели ровно.

Лада слышала фальшь под их спокойным светом. Кто-то настроил контроль только на голосовой запрет, исключив нагрузку архивного контура. Комната должна была оценивать обе.

Из коридора донёсся второй звонок. Слушание следовало начинать.

— Госпожа Вар, — тихо сказала Лада, — вы можете попросить переноса.

— А они могут согласиться через год.

— Или не согласиться, — добавил Эвар. — Но выбор за вами.

Правильные слова. Настолько правильные, что от них стало холодно.

Инесса посмотрела на Ладу.

— Вы сказали, здесь нельзя солгать.

— Нельзя сознательно произнести ложь. Но можно не знать всей правды. Можно молчать. Можно ответить только на половину вопроса.

— Я знаю свою половину.

Лада могла отозвать допуск. Тогда Эвар вынес бы слушание в старую комнату номер два, где стены были толще, а вопросы — уже. Инесса всё равно заговорила бы, только без архитектора рядом и без человека, способного услышать перегрузку.

— Начинайте, — сказала Лада. — Печать отключим при первом отклонении.

Эвар занял место напротив свидетельницы. Секретарь сел сбоку, раскрыл журнал и назвал дату, номер дела, присутствующих. Когда прозвучало имя Лады, восточная стена ответила чистой четвертой. Комната принимала факты.

— Подтверждаете ли вы, Инесса Вар, что в ночь пожара исполняли обязанности мастера третьей линии? — спросил канцлер.

— Да.

— Видели ли вы кого-либо из управляющих мастерских в помещении для хранения растворителей после окончания вечерней смены?

— Нет.

Ответ прошёл свободно. Стекло не изменилось.

Перо секретаря закрипело по бумаге.

— Получали ли вы от управляющих приказ нарушить правила хранения?

— Нет.

— Известно ли вам о таком приказе, отданном другому работнику?

Инесса посмотрела на свои руки.

— Нет.

Снова правда. Узкая, безупречная, почти невесомая.

Лада следила не за женщиной, а за стенами. В кварту вплетался низкий тон печати. После каждого ответа он становился заметнее.

— Можете ли вы назвать действие управляющих, которое непосредственно вызвало пожар? — спросил Эвар.

Инесса долго молчала.

За внешней стеной родственники прижались ближе. Кто-то поднял портрет девушки с короткими волосами.

— Не могу, — сказала Инесса.

Стекло приняло ответ.

Эвар повернулся к секретарю.

— Прошу отметить: свидетель не может назвать действие управляющих, ставшее причиной пожара.

— Она сказала не это, — вмешалась Лада.

— Формулировка дословная.

— Нет. Вы заменили «не могу назвать» на «не может назвать». Первое описывает её решение сейчас. Второе — отсутствие знания вообще.

— Архитектор не участвует в опросе.

Инесса подняла голову.

— Я знаю, что произошло.

Эвар медленно повернулся к ней.

— Тогда назовите действие управляющих.

Женщина открыла рот.

Ни звука.

По восточной стене вспыхнула серебряная линия. Потом ещё одна.

Инесса схватилась за горло. Она попыталась снова, и Лада увидела страшное узнавание в её глазах: свидетельница собиралась солгать. Не потому, что хотела защитить управляющих. Потому что вопрос вынуждал назвать одно действие там, где причиной, возможно, были месяцы приказов, страха и уступок.

— Не заставляйте себя, — сказала Лада.

Эвар поднял ладонь.

— Госпожа Вар, было ли такое действие?

— Было, — выдохнула она.

Стена выдержала.

— Назовите его.

Инесса посмотрела на портрет за стеклом.

— Я...

Голос исчез.

Комната содрогнулась.

На этот раз дрогнули не только стены. Судно накренилось к причалу, стол поехал на несколько пальцев, чернильница опрокинулась. Чёрная капля поползла по журналу, перечёркивая герб Морены.

Снизу пришёл глубокий удар.

Лада бросилась к печати. Медная цепь натянулась, хотя никто её не трогал. Чёрный камень будто прирос к столу.

— Прекратить запись! — крикнула она.

Секретарь отшатнулся. Эвар удержал печать ладонью.

— Свидетельница должна закончить ответ.

— Комната принимает нагрузку из архива.

— Приборы в норме.

Зелёные нити над дверью одна за другой стали белыми.

Инесса снова попыталась заговорить. Её лицо исказилось, серебряные жилки рванулись по стеклу от пола к потолку.

Лада ударила аварийным ключом по соединительной скобе.

Цепь разомкнулась.

Из-под стола вырвался низкий звук, слишком сильный, чтобы быть услышанным: он вошёл в кости. За внешней стеной люди попадали на колени. Свет погас и вернулся красным.

По восточной стене прошла трещина.

Она была тонкой, почти красивой. Началась возле ладони Инессы, пересекла отражение канцлера и остановилась у самой ватерлинии за иллюминатором.

А потом снизу закричали.

Лада распахнула дверь. В коридор уже бежал молодой курьер в промокшей до груди рубашке. Она узнала Тима Арса — худого, вечно торопящегося мальчишку с нижней палубы. Сегодня он не торопился. Он задыхался.

— Вода в третьем семейном трюме, — сказал он. — Закрыли переборку, но там люди. И футляры.

Адела побледнела.

— Сколько людей?

— Семеро. Может, девять. Мы переносили утренний приём.

Судно накренилось ещё раз. Теперь вода за иллюминатором поднялась до верхнего края и на мгновение закрыла Морену целиком.

Эвар вышел из комнаты, оправляя цепь должности.

— Капитан объявит порядок эвакуации, — сказал он. — Показание следует считать прерванным по технической причине.

— Нет, — произнесла Инесса из-за его спины.

Голос вернулся к ней вместе с открытой дверью.

Все обернулись.

Она стояла у треснувшей стены, прижимая к груди шляпу.

— Запишите, почему я не назвала действие, — сказала она. — Имя, которое вы требуете, принадлежит моей сестре. Она выполняла приказ и заперла шкаф с растворителем. Но ключ приказали хранить у начальника смены. Когда начался пожар, его не было в здании. Если я назову только её действие, вы сделаете виноватой мёртвую.

Секретарь посмотрел на Эвара. Перо застыло над залитым журналом.

— Запишите, — повторила Лада.

Канцлер ничего не ответил. Комната за их спинами тихо потрескивала, освобождаясь от чужого вопроса.

Из вентиляционной шахты раздался голос Соны:

— Капитан на мостике. Аварийная осадка кормы. Всем освободить нижние лестницы.

Тим уже тянул Ладу за рукав.

— Архитектор, там дверь повело. Стекла вставка не открывается.

Лада посмотрела на трещину в комнате номер семь. Она шла точно по линии, которой не было на её чертеже, — от судебной печати вниз, к затопленному трюму.

Это значило, что неизвестный груз приняли не просто тайно. Его связали с новой комнатой, рассчитывая, что публичное свидетельство распределит вес по архиву и сделает приёмку законной.

Или невидимой.

— Показывай дорогу, — сказала она Тиму.

Когда они побежали к лестнице, над судом ударил аварийный колокол. Три долгих звона разнеслись по палубам.

«Палимпсест» впервые за всё время, что Лада его знала, просил город стать легче.

Глава 2. Капитан выбрасывает первым

На нижней лестнице вода уже облизывала третью ступень.

Тим перепрыгнул её, поскользнулся и удержался за поручень. Лада спускалась следом, одной рукой прижимая к груди футляр с инструментами. Аварийный колокол гремел над ними, дробясь в металлических переходах на десятки тревожных голосов.

— Где стекло? — спросила она.

— В двери семейного трюма. Рама ушла вниз, створку закусило.

— Люди по какую сторону?

— По ту.

Тим указал в затопленный коридор. Вода доходила ему до колен и быстро прибывала. Из-за поворота доносились удары — ровные, по три подряд. Кто-то за переборкой считал время, чтобы не перейти на крик.

Лада шагнула в воду. Холод пробил туфли и поднялся к животу. Под ногами дрожал корпус, но теперь она различала два источника: рваный скрежет повреждённой рамы и далёкий тяжёлый гул неизвестного груза.

У двери работали двое механиков. Один вращал аварийный штурвал, второй пытался завести лом между створкой и косяком. Резонансная вставка, мутная от воды, выгнулась наружу.

— Прекратите! — крикнула Лада.

Механик с ломом обернулся.

— Там восемь человек.

— Ещё один нажим — и вставка лопнет им в лицо.

Она провела ладонью над рамой, не касаясь стекла. Конструкция отвечала болезненной малой секундой. Нижний угол ушёл всего на полпальца, но давление воды превратило перекося в замок.

— Мне нужен клин и ручная струна.

— Струны в мастерской.

Тим снял с шеи кожаный шнурок. На нём висел маленький медный жетон и была намотана тонкая проволока.

— Курьерская сигнальная.

Лада выдернула проволоку, пропустила между рамой и стеклом. Слишком короткая. Тим молча снял вторую с запястья.

— Когда скажу, тяните раму вверх, не дверь. На счёт четыре.

— Почему четыре? — спросил механик.

— Потому что на три она ломается.

Шутка не получилась, но мужчины перестали давить на створку.

Лада закрепила струну на верхнем винте и ударила по ней рукоятью ключа. Тон получился глухим. Подтянула на четверть оборота — снова ударила. Чистая кварта возникла ненадолго и утонула в корпусном гуле.

— Сейчас. Раз. Два. Три. Четыре.

Механики налегли на раму. Лада повернула нижний винт против перекося. Стекло простонало, вода рванулась в щель.

— Ещё раз!

За дверью перестали стучать.

На втором рывке створка сдвинулась. Сначала показалась рука, затем плечо Соны. Она навалилась изнутри, и дверь открылась настолько, чтобы люди могли протиснуться боком.

— По одному! — скомандовала механик. — Футляры оставить!

Первой вышла пожилая женщина, прижимая к груди красный архивный ящик.

— Я сказала оставить!

— Там мой сын.

— Ваш сын уже не там, — ответила Сона. — Там футляр.

Женщина не отпустила ящик. Лада помогла ей пройти через щель. Потом выбрались две хранительницы, трое грузчиков и мальчик лет десяти, которого один из них нёс на плечах. Последним вышел мужчина с окровавленной щекой.

— Восемь, — пересчитал Тим.

— Девятая я, — сказала Сона и выскользнула наружу.

В тот же миг по коридору прокатился новый крен. Вода поднялась Ладе выше колен. Створка захлопнулась, стекло лопнуло внутрь трюма с приглушённым звоном.

Сона схватила Ладу за локоть.

— Наверх. Сейчас закроют палубу.

— Откуда вода?

— Кормовой шов цел. Она пришла по приёмному каналу, когда включилась судебная печать. Кто-то оставил заслонку открытой.

— А неизвестный груз?

— В государственном трюме. За пломбой канцлера.

Лада оглянулась на красный футляр в руках женщины. На крышке белела бирка: «ЛИЧНОЕ. ДОБРОВОЛЬНОЕ ХРАНЕНИЕ». Вода смыла половину чернил, но печать владельца осталась цела.

— Почему затопило семейный отсек, если вес в государственном?

Сона коротко рассмеялась.

— Потому что вода не читает таблички.

На лестничной площадке их встретили матросы в непромокаемых куртках. Они передавали спасённых наверх и натягивали поперёк прохода цепь. Один из них увидел Сону и приложил два пальца к виску.

— Капитан требует архитектора на грузовую палубу.

— Архитектор только что спасла вам девять человек, — сказала Сона.

— Поэтому требует, а не разыскивает.

Лада отдала Тиму пустой инструментальный футляр.

— Проводи людей к лекарю. И запиши их имена раньше, чем суд назовёт их случайными посетителями.

— А ящик?

Пожилая женщина всё ещё держала его обеими руками.

— Останется у владелицы, пока она сама не согласится отдать.

Сона посмотрела на Ладу с одобрением, но ничего не сказала.

Грузовая палуба встретила их жаром. Здесь работали насосы, лебёдки и печи обезвешивания — круглые медные камеры, в которых архивную связь можно было разорвать навсегда. Обычно крышки печей были опечатаны. Сейчас возле каждой лежали пустые тележки.

Марек Вейн стоял перед картой осадки.

Лада видела капитана раньше: на приёмках, торжественных рейсах, в коридоре суда. Там он казался частью формы — высокий мужчина в тёмном кителе, спокойный до безразличия. Теперь китель был расстёгнут, рукава закатаны, мокрые волосы прилипли ко лбу. Он двигал по карте грузовые метки и одновременно слушал доклады трёх человек.

— Семейный трюм эвакуирован, — сказала Сона. — Девять живых.

Марек поднял глаза на Ладу.

— Раненые?

— Один порез, один ребёнок наглотался дыма от короткого замыкания, — ответила она.
— Почему вы не закрыли приёмный канал до слушания?

— Потому что его открыли без моего приказа.

— Кто?

— Если узнаю до того, как мы всплывём, непременно представлю вас друг другу.

Он указал на карту. Красная линия фактической осадки пересекала чёрную линию аварийного допуска у кормы.

— Через семнадцать минут вода дойдёт до второго контура. Тогда мы потеряем управление архивной связью. Мне нужно снять четыреста делений.

— Что приняли ночью?

— Двадцать три запечатанных свидетельства по северным мастерским. Официальный вес — ноль.

— Нулевой груз утопил корму на три пальца?

— Значит, официальный вес ошибочен.

— Или его сделали нулевым до приёмки.

Марек перевёл взгляд на Сону.

— Государственный трюм вскрыт?

— Пломба канцлера. Нужны два представителя суда.

— В аварийном режиме нужен капитан.

Он снял с шеи ключ и протянул ей.

— Вскрывают. Ничего не сжигать и не переносить без метки владельца.

Сона взяла ключ и ушла. Лада осталась перед картой.

— Вы сказали снять четыреста делений. Чем?

Марек показал на соседний стол. Там лежал список, уже разделённый на три столбца: добровольные отказы, дубликаты, малозначимые семейные эпизоды.

— Нет, — сказала Лада.

— Это не вопрос.

— У вас двадцать три незаконно принятых государственных свидетельства, а выбрасывать вы собираетесь семейные.

— Государственные сейчас изолированы. Если снять пломбы и выяснится, что их фактический вес выше расчётного, перенос может опрокинуть судно раньше, чем печи разорвут связь.

— Значит, вы выбросите то, к чему проще добраться.

— Я выброшу то, что позволит восьмистам людям сойти на берег живыми.

— В вашем списке чья-то свадьба, рождение ребёнка, последний разговор с отцом.

— В моём списке футляры, владельцы которых заранее подписали аварийный отказ.

— Они подписывали его, чтобы получить место в архиве.

— Да.

Простое согласие прозвучало хуже оправдания.

— И вас это устраивает?

— Нет.

— Но вы сделаете.

— Если понадобится.

Марек говорил без нажима. В его спокойствии не было ни удовольствия от власти, ни просьбы понять. Только предел времени, отмеченный красной линией.

Лада подошла к списку. Первым в столбце малозначительных значился футляр Тима Арса: «Прогулка с отцом по западному молу. Бытовое. Последствия не заявлены».

— Он уже потерял одно воспоминание об отце.

— Знаю.

— Тогда почему его футляр здесь?

— Потому что после прошлой разгрузки он изменил договор и сам включил оставшийся эпизод в аварийный резерв.

— Девятнадцатилетний курьер пожертвовал последним днём с отцом, а вы называете это выбором?

— Я называю это подписью, которую обязан учитывать. Не больше.

— Он работает на вашем судне. От вас зависит его место.

— Поэтому подпись приняла Адела без моего присутствия.

Каждый ответ отнимал у Лады удобную версию противника. От этого злость становилась точнее.

— Покажите расчёт, — сказала она.

— Какой?

— Почему четыреста. Какие контуры связаны, как поведёт себя корпус после первого сброса, почему государственный трюм нельзя разделить иначе.

— У нас пятнадцать минут.

— Тогда объясняйте быстро.

Марек посмотрел на неё долгим взглядом. Серые глаза, усталость под ними, тонкий шрам у правого виска. Потом отодвинул список и развернул карту.

— Судно несёт не массу, — сказал он. — Оно несёт связь между воспоминанием и отрицанием его последствий. Ночью двадцать три свидетельства провели через нулевой контур. Когда ваша комната приняла судебную печать, связь замкнулась. Теперь груз распределён между государственным трюмом, седьмой комнатой и семейным отсеком, который оказался ближайшим свободным объёмом.

— Почему свободным?

— Потому что семейные футляры имеют владельцев. Их связь гибкая: человек может подтвердить, изменить условия или забрать согласие. Государственные признания считаются окончательными и не умеют перераспределяться.

— Значит, система защищает окончательную версию за счёт живой.

— Да.

Снова это «да».

— Отключите нулевой контур.

— Он встроен в киль.

— Любой контур можно разомкнуть.

— Этот проектировала ваша мать.

Шум палубы не изменился, но Лада перестала его слышать.

— Что вы сказали?

Марек коснулся пальцем медной линии, уходившей через всю схему судна.

— Имя Леи Корс стоит на исходном чертеже. Вы не знали?

Лада знала, что мать работала с архивом. Знала о звуковой решётке, о ранних комнатах, о ссоре с Аделой, после которой Лея перестала произносить название судна. Но нулевой контур никогда не упоминался ни дома, ни в сохранившихся записях.

— Моя мать умерла шесть лет назад. Сейчас это не расчёт.

— Согласен.

— Не соглашайтесь со мной так, будто делаете одолжение.

В уголке его рта мелькнуло движение, слишком короткое для улыбки.

— Хорошо. Спорьте с чертежом.

Он подал ей старую кальку. Под современными линиями проступала выцветшая подпись Леи. Лада узнала наклон букв раньше, чем прочитала имя.

Внутри килевого контура повторялась последовательность: два коротких сегмента, один длинный. Тот самый ритм, который она слышала утром.

— Это не нулевая линия, — сказала Лада.

— На плане она названа так.

— Название добавили позже. Мать рисовала музыкальную решётку. Видите разрывы? Они должны принимать несовпадающие частоты и удерживать их рядом, не сводя к одной.

— Сейчас они не удерживают.

— Потому что половина решётки отключена.

Марек склонился над калькой.

— Где?

Лада провела пальцем от кормы к седьмой комнате. На месте судебной печати две линии соединялись в одну.

— Здесь. Печать превращает противоречия в утверждённую версию. Всё, что не помещается, уходит в семейный контур как лишний вес.

— Вы можете вернуть разрыв?

— В комнате — да. В киле не знаю.

— Сколько времени?

— Двадцать минут, если Сона даст мне доступ к узлу.

— У нас двенадцать.

Он повернулся к сигнальной трубе.

— Первый помощник, подготовить печи. Сброс не начинать. Повторяю: без моей команды не начинать.

Затем посмотрел на Ладу.

— У вас десять минут. На одиннадцатой я выбрасываю первые сто делений.

— Вы даже не подождёте результата?

— Результат к тому времени либо будет, либо нет.

— Начните с собственной памяти.

Слова вырвались прежде, чем она решила, насколько они жестоки. Капитан-цензор управлял чужими отказами с безопасного места — так ей хотелось думать.

Марек замолчал.

Потом расстегнул внутренний карман и вынул плоскую костяную бирку. На ней стояло его имя, дата прошлой аварии и чёрный знак необратимого изъятия.

— Я уже начал, — сказал он.

Лада не взяла бирку.

— Что вы отдали?

— Не знаю. В этом смысл процедуры.

— Последствия остались.

— Остались.

На палубе прозвенел сигнал: государственный трюм вскрыт.

Марек убрал бирку.

— Вы хотели доказательства, что я выбираю не только чужое. Получили. Теперь идите к узлу.

Это не делало список справедливым. Не возвращало Тиму отца и не давало капитану права решать за остальных. Но лишало Ладу возможности считать его человеком, который не знает цены.

Она свернула кальку.

— Мне нужен оригинал.

— Это собственность архива.

— Тогда идём вместе.

— Я нужен на мостике.

— А мне нужен человек, который имеет право остановить сброс, когда чиновник потребует спасти свои свидетельства первыми.

Марек взглянул на красную линию осадки. До второго контура оставалось меньше деления.

— Семь минут, — сказал он. — Потом я вернусь сюда.

— Десять.

— Восемь.

— Девять.

— Вы торгуетесь со временем.

— Нет. С капитаном.

На этот раз он действительно улыбнулся, хотя глаза остались серьёзными.

— Девять минут, архитектор Корс.

Они побежали к килевому узлу. За их спинами печи обезвешивания раскрыли медные крышки, готовые принять первые человеческие дни.

Глава 3. Музыка в стенах

Килевой узел находился ниже ватерлинии, там, где судно переставало быть архивом и снова становилось судном: железом, заклёпками, тёмной водой за толщиной борта.

Лада бежала первой. Калька была её по запястью, свёрнутая слишком туго, а футляр с инструментами остался у Тима. Из всего привычного оружия при ней были карандаш, складная линейка и слух, который сейчас причинял почти физическую боль.

Каждый шаг Марек отзывался в переборках ровным низким звуком. Поверх него дрожал аварийный колокол. Ещё выше, едва различимо, тянулась та неправильная малая секунда, которую Лада слышала в комнате номер семь.

— Сколько осталось? — спросила она.

Марек посмотрел на часы.

— Семь минут сорок секунд.

— До вашего возвращения или до сброса?

— Теперь это одно и то же.

Коридор резко ушёл под уклон. Лада налетела плечом на стену и почувствовала через мокрую ткань рубашки, как внутри металла проходит тяжёлый толчок.

— Нет, — сказала она.

— Что?

— Осадка не растёт плавно. Груз приходит порциями.

Марек остановился лишь на долю секунды.

— Свидетельства запечатаны. Их не должны трогать.

— Кто-то трогает.

Он поднял крышку переговорной трубы.

— Государственный трюм, доложить движение груза.

Сначала в трубе был только треск. Потом голос Соны, искажённый металлом:

— Футляры стоят в гнездах. Но на каждом через равные промежутки загорается приёмная метка. Будто архив принимает их заново.

— Интервал? — спросила Лада, наклонившись к раструбу.

— Три удара колокола.

Лада закрыла глаза. Три удара, пауза, новый толчок. Не груз двигался — повторялось решение о его весе.

— Печать слушания всё ещё открыта, — сказала она. — Она снова и снова утверждает ноль, а решётка каждый раз выталкивает непринятое вниз.

Марек повернул рукоять трубы на канал верхней палубы.

— Судебной группе: немедленно снять печать с седьмой комнаты.

Ответил незнакомый чиновник:

— По распоряжению канцлера протокол не может быть разомкнут до заверения записи.

— Это приказ капитана в аварийном режиме.

— Полномочия суда на архивный контур имеют приоритет.

Марек медленно закрыл крышку.

— Я могу послать матросов.

— Пока они поднимутся, мы потеряем ещё два цикла. Открывайте узел.

Дверь в конце коридора была ниже обычной и не имела ручки, только два круглых замка по краям. Марек вставил капитанский ключ в правый. Левый остался пустым.

— Второй у главного хранителя, — сказал он.

— Адела наверху.

— Поэтому доступ к киллю всегда совместный.

— Очень разумно. Особенно когда судно тонет.

Марек вытащил из кармана костяную бирку с чёрным знаком изъятия и приложил её к левому замку. Механизм вздрогнул.

— Личный архивный ключ, — сказала Лада.

— Бывший.

— Вы можете открывать им хранилища?

— Только те, где связь повреждена. У бирки нет содержимого, зато остался допуск последствий.

Замок щёлкнул. Дверь отошла внутрь, и на них пахнуло солью, горячей медью и чем-то сладким, как от перегретой канифоли.

Килевой узел занимал круглый отсек. Медные рёбра сходились от стен к центральной колонне, уходившей сквозь пол. Между ними висели струны — сотни тонких проволок, соединённых стеклянными мостиками. Половина светилась тёплым янтарным светом. Другая была чёрной.

Вода пробивалась по шву у дальней стены. Пока тонкой плёнкой, но на полу уже плавали обрывки изоляции.

Лада развернула кальку прямо на мокрых досках. Исходный чертёж Леи был сделан для полного круга. Здесь же тёмную половину стянули к центральной колонне медными скобами, словно связали пальцы одной руки.

— Отключена не половина, — сказала Лада. — Её заставили повторять первую.

Марек присел рядом.

— Разница?

— Отключённая не принимала бы вес. Эта принимает и не имеет права отвечать своим тоном.

Новый импульс прошёл по светлым струнам. Янтарь вспыхнул. Чёрная часть решётки дёрнулась под скобами, и корпус просел с глубоким стоном.

Марек удержался ладонью за пол.

— Пять минут пятьдесят.

Лада подошла к ближайшему стеклянному мостику. На нём стояло клеймо матери — маленькая косая черта внутри круга. Рядом поверх старой насечки выбили герб берегового суда.

Она постучала карандашом по светлой струне. Та ответила чистой квинтой. По чёрной — тем же тоном, только глухо, как голос человека за закрытой дверью.

— Так нельзя строить, — сказала Лада.

— Однако построили.

— Нет. Переделали. Мать дала двум сторонам разные опоры. Каждая версия должна была менять другую, не поглощая её. Суд соединил обе с одной печатью. Теперь вторая обязана подтверждать первую.

— И если не может?

— Молчит. Но вес остаётся.

Он посмотрел на связанные струны.

— Вы можете снять скобы?

— Если снять все сразу, скрытая половина ответит полным грузом. Нас опрокинет.

— Значит, по одной.

— Нужна встречная опора. Человеческая связь, которая ещё может менять условия.

Лада вспомнила красный футляр в руках пожилой женщины. Семейный контур был гибким не потому, что считался слабее. Он был живым. Владелец мог забрать согласие, уточнить, отказаться. Именно эту способность система использовала как пустое место.

— Соедините меня с Соной.

Марек открыл настенную трубу.

— Говорите.

— Сона, сколько в государственном трюме свободных приёмных гнёзд?

— Ни одного. Эти двадцать три заняли весь ряд.

— А между гнёздами есть переносные рамки?

— Двенадцать целых. Остальные повело.

— Не переносите футляры. Замкните рамки попарно между ними, но не касайтесь печатей.

В трубе наступила пауза.

— Ты хочешь дать каждому свидетельству соседа?

— Я хочу, чтобы ноль перестал звучать в одиночку. Сделай одиннадцать пар и один ряд из трёх. Оставь зазор на палец.

— Судебные хранители уже грозят арестом.

— Пусть грозят из сухого места.

Марек наклонился к трубе.

— Сона Рей действует по моему приказу. Любое препятствие аварийным работам будет внесено в судовой журнал с именами.

— Вот теперь похоже на помощь, — сказала Сона. — Начинаем.

Лада опустила перед первой скобой. Пальцы скользили по влажной меди. Инструмента не было; линейка не выдержала бы нажима.

Марек вынул из-за голенища короткий плоский нож.

— Это не ключ, — сказала Лада.

— Сегодня у нас мало подходящих предметов.

Она вставила лезвие под зажим.

— Когда рамки замкнут первую пару, здесь появится биение. Услышите два близких удара.

— Я не архитектор.

— Для этого достаточно иметь пульс.

Они ждали. Лада держала нож обеими руками, Марек — скобу, чтобы та не отлетела в струны. В отсеке тикала вода. Где-то далеко открывались медные крышки печей.

Два удара пришли почти одновременно.

— Сейчас.

Марек потянул. Лада вывернула нож. Скоба сдалась внезапно и ударила его по костяшкам. Чёрная струна распрямилась, издала хриплый низкий звук и потянулась к соседнему ребру. Стекланный мостик вспыхнул не янтарным, а зеленоватым светом.

Корпус качнулся.

Лада замерла, прислушиваясь.

— Мы поднялись? — спросил Марек.

— Нет. Но перестали тонуть на этой паре.

Из трубы донёсся голос Соны:

— Две приёмные метки погасли. Фактический вес проявился: тридцать восемь делений и сорок один.

Марек быстро сложил числа.

— Почти восемьдесят. В официальной ведомости оба нулевые.

— И это не вес самих воспоминаний, — сказала Лада. — Это то, что не позволили признать после них.

— Ещё десять пар.

— Мы не успеем вручную.

Он посмотрел на связанные скобы, затем на кальку.

— Что заставляет их держаться?

— Капитанская линия. Суд получил право стянуть решётку только через ваш контур.

— Я этого права не давал.

— Вы его унаследовали вместе с судном.

В его лице что-то закрылось. Не обида — решение.

— Если я разомкну капитанскую линию?

— Вы потеряете управление разгрузкой на всём нижнем уровне.

— На сколько?

— Пока не соберём решётку заново. Часы. Может быть, сутки.

— А скобы?

— Ослабнут одновременно.

— Вы сказали, это нас опрокинет.

— Если Сона сначала не свяжет футляры рамками. Тогда вес проявится парами, а не одной волной. Но нам нужно совпасть по времени.

Марек поднял крышку трубы.

— Сона, готовность всех рамок?

— Три пары. Люди работают.

На стене вспыхнул красный сигнальный глазок. Марек повернул соседнюю рукоять, и голос первого помощника заполнил отсек:

— Капитан, до второго контура два деления. Печи готовы. Ваше время истекло.

Марек посмотрел на часы.

— Архитектор?

Лада слышала, как очередной цикл печати набирает силу в светлой половине. Три удара колокола. Сейчас нагрузка снова уйдёт в семейный трюм. Через цикл вода доберётся до управляющих связей. Даже если Марек сбросит первые сто делений, государственная печать продолжит принимать ноль и перекладывать новый вес. Они купят минуты чужими жизнями и ничего не исправят.

— Сброс не спасёт судно, — сказала она. — Только отсрочит следующий сброс.

— Это расчёт или убеждение?

— Расчёт.

— Насколько вы уверены?

Она хотела сказать «полностью». В комнате правды это слово погасло бы у неё на губах.

— Достаточно, чтобы остаться здесь.

Марек не отвёл взгляда.

— Первый помощник, сброс отменить. Закрыть печи.

Из трубы донёсся вдох.

— Подтвердите приказ.

— Закрыть печи. Перевожу нижний архивный уровень на ручное управление.

— Капитан, это нарушение аварийного устава.

— Запишите.

Он закрыл канал прежде, чем помощник ответил.

Лада смотрела на него и понимала: доверие иногда выглядело не как признание и не как прикосновение. Иногда оно выглядело как человек, лишивший себя единственного законного средства спасения, потому что твой расчёт оказался честнее его инструкции.

Это не делало их союзниками навсегда. Но делало ими сейчас.

— Сона, — позвала она. — Сколько?

— Семь пар и тройка. Осталось три.

— У нас один цикл.

— Тогда перестань считать и держи киль.

Марек подошёл к центральной колонне. Капитанская линия была отмечена чёрной рукоятью под защитным стеклом. Он разбил стекло локтем. В отсеке сразу запахло кровью: прежний удар скобы рассёк ему пальцы, теперь осколок полоснул рукав.

— Руку, — сказала Лада.

— После.

— Кровь попадёт на контакты.

Он позволил ей обмотать ладонь оторванной полосой собственной манжеты. Лада затянула узел зубами. На мгновение их лица оказались слишком близко; она увидела светлую щетину на его подбородке и усталость, которую форма обычно прятала лучше любой лжи.

Марек первым отступил к рукояти.

— Что делать после размыкания?

— Повернуть на четверть и держать. Обратно не отпускайте, даже если покажется, что судно падает.

— А оно будет падать?

— Сначала да.

— Есть хорошие новости?

— Нож оказался крепким.

Из трубы крикнула Сона:

— Готово! Все рамки стоят. Но печать пошла на новый приём.

Светлые струны налились почти белым огнём. Чёрная половина затряслась под скобами. Лада положила ладони на два крайних ребра, будто могла удержать ими весь круг.

— Теперь!

Марек повернул рукоять.

Первым исчез аварийный колокол.

Нет, он продолжал звонить, но Лада перестала различать его среди звуков, хлынувших из стен. Десятки интервалов столкнулись сразу: гнев, стыд, страх, вина, чужая уверенность, чужое отрицание. Решётка не переводила воспоминания в мелодию — в них не было такой простоты. Она давала каждому напряжению место рядом с другим.

Скобы одна за другой упали на пол.

Судно резко накренилось на правый борт. Лада ударилась коленом о колонну. Вода у стены плеснула через весь отсек. Марека развернуло, но он не отпустил рукоять.

— Держите! — закричала она.

Чёрные струны расправлялись и искали опоры. Некоторые попадали в частоту соседней рамки и загорались зелёным. Другие били вразнобой, заставляя стеклянные мостики трещать.

Лада двигалась внутри круга, касаясь рёбер карандашом. Не дирижировала — слушала. Вот две версии одного страха, близкие, но не одинаковые. Вот тяжёлый низкий звук приказа, которого нет в официальной записи. Вот высокий обрыв, где свидетель умолчал имя, чтобы защитить дочь. Она не знала содержания эпизодов, но слышала форму давления на них.

— Третье ребро слева! — крикнула она. — Ослабьте на одно деление!

Марек, всё ещё удерживая рукоять плечом, дотянулся до винта.

— Это правое!

— Для меня левое!

— Уточняйте систему отсчёта, архитектор!

Даже сейчас его голос оставался ровным. Лада рассмеялась коротко и зло, потому что иначе закричала бы.

— От двери! Третье к корме!

Он нашёл нужный винт. Струна опустилась на полтона. Два соседних напряжения перестали толкать друг друга и легли рядом, не соглашаясь.

Пол под ногами медленно выровнялся.

— Осадка? — спросил Марек в трубу.

Ответ пришёл не сразу. Потом первый помощник произнёс:

— Корма поднялась на два деления. Второй контур вне воды. Повторяю: вне воды.

Марек прикрыл глаза, но рукоять не отпустил.

— Печи закрыты?

— Закрыты. Ни один футляр не сброшен.

В государственном канале заговорила Сола:

— Все двадцать три метки показывают фактический вес. Общая нагрузка — восемьсот семьдесят два деления.

Лада сперва решила, что ослышалась.

— Сколько?

— Восемьсот семьдесят два. И это после распределения. В ведомости — ноль.

Марек открыл глаза.

— Передайте показатели в судовой журнал. Продублируйте на бумаге. Подписи всех механиков.

— Уже.

— Пломбы не снимать.

— Они сами погасли. Футляры больше не принимаются заново.

Лада опустила на мокрый пол. В колене пульсировала боль. Вокруг неё звучала невозможная, неровная гармония из двадцати трёх свидетельств, которым впервые позволили иметь собственный вес.

Это была победа ровно на одну ночь.

Капитанская линия оставалась разомкнутой. Печи нельзя было включить. Решётка держалась на переносных рамках, не рассчитанных на долгую нагрузку. Суд наверху всё ещё считал запись незавершённой, а Эвар Толь скоро поймёт, что нулевые свидетельства обрели измеримые последствия.

— Можете отпустить рукоять? — спросила Лада.

— Вы сказали не отпускать.

Она поднялась и проверила свет на мостиках.

— Теперь можно медленно вернуть до половины. Не замыкать полностью.

Марек повёл рукоять назад. На середине механизм упёрся. Решётка выдержала.

— Ручное управление сохранено, — сказал он. — Сколько у нас?

— До чего?

— До следующей попытки нас утопить.

Лада приложила пальцы к ближайшей струне. Под явившимся весом звучал другой изъяс — старый, глубокий, проходивший через весь киль. Они устранили повторный приём, но не источник несправедливого распределения. Семейный контур всё ещё был проложен как запасной объём для любой официальной версии.

— Несколько часов, если рамки выдержат. Меньше, если суд снова поставит печать.

— Тогда я закрою доступ в комнату.

— Они назовут это вмешательством в правосудие.

— Это и будет вмешательство.

— Вас снимут с должности.

— Возможно.

Она посмотрела на него. Его порезанная рука лежала на чёрной рукояти, кровь проступала сквозь её манжету.

— И вы всё равно закроете?

— Вы всё ещё ищите доказательства, что я способен выбросить своё первым?

— Нет. Теперь я проверяю, способны ли вы не выбрасывать чужое.

Марек принял удар без защиты.

— Сегодня — да.

Не обещание навсегда. Только точный ответ в пределах одного дня. Лада неожиданно поверила ему больше, чем поверила бы красивой клятве.

Она подняла кальку. Вода размывала позднюю подпись суда, но линии Леи проступили яснее. Возле тёмной половины решётки мать поставила крошечный знак, который Лада сперва приняла за техническую помету. Теперь, увидев собранный круг, узнала нотную паузу.

Не пустоту. Место, где звук должен был уступить право другому звуку.

— Моя мать знала, — сказала Лада.

— О переделке?

— Не знаю. Но она предусмотрела молчание как часть конструкции. Суд потом превратил его в согласие.

Из верхней трубы донёсся голос канцлера Эвара Толя:

— Капитан Вейн. Архитектор Корс. Вы самовольно нарушили целостность судебного архива. Немедленно восстановите печать и подготовьте государственные футляры к переносу.

Марек потянулся к крышке, но Лада остановила его.

— Пусть сначала сформулирует приказ полностью.

Она открыла канал сама.

— Куда перенести? — спросила она.

— В защищённый нулевой контур.

— Его больше нет.

Пауза была короткой, но решётка услышала её. По светлым струнам прошёл нервный звон.

— Тогда восстановите, — сказал канцлер.

— После проявления фактического веса это снова перегрузит семейные трюмы. Вы приказываете принять восемьсот семьдесят два деления как ноль и передать последствия владельцам семейных футляров?

Эвар не ответил.

В комнате правды молчание ничего не доказывало. Здесь, в килевом узле, оно впервые получило собственное место и собственный вес.

— Я жду письменного распоряжения, — сказал Марек. — С указанием расчёта осадки и ответственного лица.

Канал закрылся с той стороны.

Лада провела карандашом вдоль материнской паузы и добавила на кальке вторую линию — временную, несовершенную, но свободную.

В стенах «Палимпсеста» продолжала звучать музыка. Она не была красивой. Она была правдивой настолько, насколько могла быть правдивой конструкция, наконец переставшая заставлять один голос подтверждать другой.

И всё же под ней оставался ещё один звук.

Тихий, знакомый, состоящий из трёх коротких нот и долгой паузы. Не сигнал печати. Начало песни, которую мать напевала Ладе и Нике в детстве.

Лада замерла, прижав ладонь к стеклянному мостику.

Песня шла не из государственного трюма.

Она поднималась из самого киля.

Глава 4. То, о чём можно молчать

Когда Лада вернулась в комнату номер семь, трещину уже завесили белым полотном.

Суд любил белое. Оно превращало повреждение в декорацию, кровь — в пятно, которое скоро уберут, а незаданный вопрос — в отсутствие ответа.

У дверей стояли двое матросов Марека. Судебные приставы — напротив. Между ними оставался проход ровно для одного человека, и никто не решался первым признать его закрытым.

— Капитан запретил вход, — сказал старший матрос.

— Канцлер возобновил слушание, — ответил пристав.

— На какой комнате?

— На этой.

Лада прошла между ними.

— Тогда сначала спросите комнату, согласна ли она.

Под полотном тихо сыпалось стекло.

Внутри всё оставили так, будто авария была коротким перерывом. Стулья стояли полукругом. Чернильницы наполнили заново. Писец переписывал испорченный водой лист. Только Инесса Вар сидела теперь не в центре, а у стены, обхватив ладонями чашку.

Эвар Толь не снял судебной мантии. На её сухом воротнике золотилась цепь канцлера.

— Архитектор Корс, — сказал он. — Вы вмешались в работу государственного контура.

— Я остановила затопление.

— Капитан остановил, нарушив устав на основании вашего предположения.

— Восемьсот семьдесят два деления — не предположение.

Писец перестал скрестить пером.

Эвар посмотрел на него, и перо снова задвигалось.

— Показатели аварийных приборов требуют проверки, — сказал канцлер. — Пока она идёт, суд обязан завершить начатую запись.

— Комната повреждена.

— Свидетельница уже дала показания.

Инесса подняла глаза.

— Я не закончила.

— Вы ответили на все заданные вопросы.

Лада подошла к центральному креслу. Вокруг креплений судебной печати стекло потемнело. Контур был погашен, но тонкая серебряная нить ещё тянулась от пола к столу канцлера.

— Печать не снята, — сказала она.

— Она опечатана до заверения протокола.

— Пока связь существует, повторный приём может начаться снова.

— Капитан разомкнул нижний уровень. Опасности нет.

Эвар произнёс это с безупречной уверенностью человека, который не собирался спускаться и проверять.

— Опасность теперь держат люди в государственном трюме, — сказала Лада. — И переносные рамки, рассчитанные на два часа.

— Значит, не тратьте время.

Он подвинул к Инессе лист.

— Прочитайте и подтвердите, что запись соответствует вашим словам.

Инесса не взяла лист.

— Там нет того, что я сказала после размыкания комнаты.

— Слова, произнесённые вне судебного контура, не являются показанием.

— Но они правда.

— Суд не выносит решения о правде. Он устанавливает доказанные обстоятельства. Лада почти восхитилась точностью формулировки. Эвар не лгал. Ему не требовалось.

— Верните её в круг, — сказала она.

Канцлер поднял брови.

— Вы только что объявили комнату неисправной.

— Центральная секция повреждена. Боковой сектор цел. Он выдержит один короткий вопрос без подключения к архиву.

— Кто гарантирует?

— Я.

— Та самая архитектор, чья новая комната треснула на первом слушании?

Удар был рассчитан на публику. За окнами уже собирались люди; лица темнели за дождевым стеклом галереи.

Лада могла объяснить печать, скрытый контур, чужую переделку. Но объяснение прозвучало бы оправданием раньше, чем стало доказательством.

— Да, — сказала она. — Та самая.

Комната приняла ответ без звука.

Эвар постучал пальцем по протоколу.

— Один вопрос. После него свидетельница заверяет запись.

— После него она решит, соответствует ли запись её показанию.

— Суд решает, что относится к делу.

— Тогда зачем вам комната?

На этот вопрос он не ответил.

Инесса поставила чашку и вошла в боковой сектор. Лада сняла с рамы три уцелевшие струны и замкнула их в отдельный треугольник. Никакой связи с килем, никаких печатей. Только пространство, где сознательная лож лишалась голоса.

— Здесь можно молчать, — тихо сказала Лада свидетельнице. — Можно ошибиться. Можно не понимать вопрос. Комната не заставит вас сказать больше, чем вы выберете.

— Канцлер сказал, что молчание подтвердит запись.

— Канцлер говорит за суд. Не за комнату.

Эвар встал.

— Возражаю против инструктажа свидетельницы.

— Это правила устройства. Вы сами их утвердили.

Лада проверила натяжение последней струны. Комната ответила чистой терцией. После килевого хора простота звука казалась почти подозрительной.

— Задавайте вопрос, — сказал Эвар.

Лада посмотрела на Инессу.

— Кто приказал оставить ключ от шкафа с растворителем у начальника смены, который отсутствовал в ночь пожара?

Инесса побледнела.

Струны не дрогнули. Она открыла рот, но ничего не сказала.

За окнами дождь стучал по стеклу. Писец держал перо над листом. Эвар ждал, не скрывая удовлетворения.

— Свидетельница отказалась назвать лицо, — продиктовал он. — Причастность руководства не установлена.

— Я не отказалась, — сказала Инесса.

— Вы промолчали.

— Да.

Её голос прошёл свободно.

— Почему? — спросила Лада.

Эвар резко повернулся к ней.

— Был разрешён один вопрос.

— Это уточнение архитектурной реакции.

— Нет такого процессуального действия.

— Теперь есть.

Инесса посмотрела на закрытую дверь, потом на приставов.

— Потому что его дочь работает в мастерских, — сказала она. — Если я назову отца, суд сделает её соучастницей. Она передала мне копию приказа. Без неё у нас не было бы ничего.

Струны остались чистыми.

— Дочь отдала документ добровольно? — спросил Эвар.

Инесса сжала губы.

— Не отвечайте, — сказала Лада.

— Вы препятствуете установлению обстоятельств.

— Я не позволю превратить её защиту свидетеля в способ найти свидетеля.

Эвар подошёл к границе сектора. Войти внутрь он не решился.

— Госпожа Вар, если вы не ответите, суд будет исходить из отсутствия подтверждённого источника.

— А если отвечу, вы вызовете девушку и спросите, украла ли она приказ.

— Суд задаёт вопросы, необходимые для проверки доказательств.

— Вот поэтому я молчу.

Тишина легла между ними не пустотой, а решением.

Лада услышала в стене едва заметный отзвук — ту самую паузу с материнской кальки. Комната не пыталась заполнить её. Не передавала нагрузку на соседний контур. Просто оставляла место тому, что свидетельница не согласилась отдать.

— Запишите причину молчания, — сказала Лада писцу.

Тот посмотрел на Эвара.

— В протокол вносятся ответы, — сказал канцлер.

— Она ответила, почему не называет имя.

— Это не относится к предмету слушания.

Инесса вышла из сектора.

— Тогда ваш предмет слишком мал для моего пожара.

Она взяла протокол, прочитала первую страницу и провела ногтем по последней строке.

— Здесь написано: «Свидетельница не указала распоряжений, повлекших нарушение хранения». Это неправда. Я указала распоряжение. Я не назвала человека.

— Исправьте «не указала» на «не назвала лицо», — велел Эвар писцу.

— И добавьте про отсутствующий ключ, — сказала Инесса.

— Это уже отражено.

— Добавьте, что начальник отсутствовал по вашему распоряжению.

Эвар впервые потерял неподвижность. Лишь на миг — пальцы сильнее сжали край стола.

— По распоряжению суда, — поправил он.

— Подписанному вами.

Комната молчала. Инесса тоже.

Лада поняла, что именно женщина не могла произнести утром. Не действие сестры было центром тяжести. Вопросы Эвара заставляли её выбирать между обвинением сестры и раскрытием его собственного участия. Любой ответ, помещённый в узкую рамку суда, делал одну из этих версий полной.

— Откуда вы знаете о распоряжении? — спросила Лада.

— Видела копию.

— Где она?

— Я не скажу.

— Она существует?

— Да.

Три ответа прошли через сектор без сопротивления.

Эвар поднял руку.

— Достаточно. Запись завершена.

— Нет, — сказала Инесса.

— Вы дали ответы.

— Я дала столько, сколько могла, не отдавая вам другого человека.

— Именно. И суд зафиксировал предел доступных показаний.

Он повернулся к галерее, где за стеклом уже стояли журналисты и работники мастерских.

— Комната подтвердила: свидетельница не смогла назвать виновное лицо. Следовательно, персональная ответственность руководства не доказана. Протокол признаётся полным.

По светлой струне прошёл резкий призыв.

Не ложь. Подмена масштаба.

Комната могла остановить ложное слово, но не могла запретить человеку поставить точку раньше смысла.

— Полным чему? — громко спросила Лада.

Эвар посмотрел на неё.

— Материалам слушания.

— Не событию. Не последствиям. Не свидетельству. Только вашим вопросам.

— Архитектура не толкует право.

— А право не должно притворяться архитектурой.

За дверью слышались быстрые шаги. В комнату вошёл Марек, теперь в застёгнутом кителе. На правой руке белела свежая повязка — кто-то заменил окровавленную манжету Лады.

Он положил перед Эваром лист с подписями.

— Аварийный акт. Двадцать три государственных футляра, фактическая нагрузка восемьсот семьдесят два деления. Повторный приём связан с вашей печатью.

— Приборы неисправны, — сказал канцлер.

— Тогда подпишите приказ восстановить контур и примите ответственность за осадку.

— Вы не вправе ставить суду условия.

— На моём судне я вправе требовать имя человека, который приказывает открыть забортную заслонку.

Эвар не коснулся акта.

— Протокол слушания завершён. Печать будет снята после переноса записи в береговое хранилище.

— Переноса не будет, — сказал Марек. — Нижний уровень закрыт до независимого расчёта.

— Чьего?

— Не вашего.

Лада ожидала вспышки, но Эвар улыбнулся.

— Прекрасно. Тогда город узнает, что капитан и архитектор удерживают на аварийном судне доказательства пожара, отказываясь передать их суду. А восемьсот человек на борту узнают, что вы предпочли спор процедуре эвакуации.

Он собрал протоколы.

— К полудню мне нужны десять новых комнат для береговых слушаний. Исправных. Если госпожа Корс не способна их предоставить, суд найдёт другого архитектора.

— Моя лицензия не обязывает меня строить заведомо неполные вопросы, — сказала Лада.

— Ваша лицензия обязывает соблюдать утверждённый проект.

— Проект моей матери не содержал нулевого контура.

Улыбка исчезла.

Лада увидела это. Марек тоже.

— Будьте осторожны с выводами по старой кальке, — сказал Эвар. — Покойные не могут объяснить свои намерения.

— Зато переделки имеют даты.

— И подписи.

Он задержал взгляд на ней, словно предлагал заранее представить знакомое имя под приказом.

Потом вышел. Приставы ушли следом, оставив за собой запах мокрой шерсти и чернил.

Инесса стояла у окна с незаверённым протоколом в руках.

— Если я подпишу с исправлениями, это поможет? — спросила она.

— Это оставит след, — сказала Лада. — Но суд может признать приписки недействительными.

— А если не подпишу?

Марек ответил первым:

— Запись всё равно передадут как незаверённую. Отказ внесут отдельно.

— Значит, выбора нет.

— Есть, — сказала Лада. — Просто ни один вариант не заставит их быть честными.

Инесса долго смотрела на последнюю страницу. Затем зачеркнула слово «полным» и написала над ним: «ограниченным заданными вопросами». Ниже добавила: «Имя не названо ради защиты источника. Распоряжение существовало». Подписалась и передала лист писцу.

— Внесите без исправлений, — сказала она.

Писец снова посмотрел на дверь, за которой исчез канцлер.

Потом молча поставил рядом свою подпись.

Это был маленький поступок. Он не отменял власть суда и не поднимал судно. Но Лада услышала, как боковой треугольник комнаты принял две разные подписи и не потребовал выбрать главную.

Марек подошёл к повреждённой стене.

— Вы сказали, один вопрос.

— Суд тоже сказал, что запись полная.

— Это не ответ.

— Нет.

Она ждала упрёка. Он коснулся края полотна, и оттуда посыпалась новая стеклянная пыль.

— Хорошо, — сказал Марек. — Значит, мы оба сегодня нарушили обещания ради более точной формулировки.

— Вы жалеете?

— Спросите завтра.

За окном люди расступались перед Эваром. Инесса осталась в комнате. Писец сушил её приписку песком. Белое полотно над трещиной темнело от влаги.

Лада положила ладонь на боковую раму. В ней ещё жила пауза — не отсутствие истины, а граница согласия.

Если суд построит десять новых комнат по старой схеме, каждая превратит эту границу в удобную пустоту. Десять завершённых протоколов лягут в архив официальным нулём, а их последствия снова уйдут вниз.

— Мне нужна Ника, — сказала Лада.

— Зачем?

— Я слышу в киле мамину песню. И теперь та же пауза появилась здесь, когда Инесса решила молчать.

Марек посмотрел на струны.

— Ваша сестра тоже архитектор?

— Нет. Она умеет слышать то, что я превращаю в чертёж.

Лада сняла треугольник с рамы. На одной струне остался короткий отзвук, три ноты и пауза.

На этот раз Марек услышал его тоже.

Глава 5. Реестр принятого веса

Выписка из грузового реестра судна-архива «Палимпсест»

Смена: утренняя, после аварийного крена.

Осадка: корма — сорок одна риска; нос — тридцать четыре риска.

Допустимое расхождение: две риски.

Причина расхождения по утверждённой форме: временная неисправность измерительного оборудования.

Причина расхождения по показаниям механической артели: принятый груз весит иначе, чем записано.

Последняя строка внесена механиком Соной Рей поверх слов «не установлена». Исправление заверено шестью подписями. Место для подписи представителя суда оставлено пустым.

Порядок приёма

Каждое воспоминание, поступающее на хранение, получает четыре отметки:

1. кому принадлежит;
2. кто имеет право открыть;
3. может ли владелец отказаться от хранения;
4. какой вес принимает судно.

Первые три отметки ставят люди.

Четвёртую ставит система.

Согласно наставлению, вес не является мерой важности, боли или вины. Он показывает нагрузку, которую воспоминание передаёт корпусу. Эту оговорку переписывают на первой странице каждого нового тома, чтобы ни один хранитель не принимал число за приговор.

В старых томах рядом с оговоркой часто встречается помета простым карандашом:

Если число не судит, почему по нему решают, чью память выбросить первой?

Автор пометы неизвестен. Почерк встречается в томах нижнего архива, но отсутствует в книгах государственного контура.

Принято за последние семь суток

Запись 1184.

Владелица: работница северных мастерских, сорок семь лет.

Содержание по словам владелицы: запах горелого масла после пожара; невозможность входить в закрытые кладовые; привычка пересчитывать ключи перед сном.

Решение суда: к установлению причины пожара не относится.

Контур: семейный.

Вес при приёме: двадцать восемь делений.

Вес после заверения судебного протокола: сорок три деления.

Основание изменения: не предусмотрено формой.

Примечание хранителя: владелица не просила считать последствия отдельным воспоминанием. Разделение произведено автоматически.

Запись 1185.

Владелец: начальник северных мастерских, пятьдесят девять лет.

Содержание по утверждённому протоколу: в ночь пожара находился вне города по распоряжению суда; прямых указаний о хранении растворителя не отдавал.

Контур: государственный.

Вес при приёме: ноль делений.

Вес при ручной проверке: тридцать семь делений.

Вес, переданный семейному контуру: тридцать семь делений.

Основание передачи: признание принято официальным и не подлежит повторному взвешиванию.

Подпись владельца: имеется.

Подпись лица, принявшего последствия передачи: не предусмотрена.

Записи 1186–1192.

Владельцы: семь семей погибших и пострадавших при пожаре.

Содержание: ожидание у запертых ворот; ожоги; пропавший голос ребёнка; пустое место за обеденным столом; страх перед звонком сменного колокола; невозможность вспомнить лицо человека, вынесшего двоих рабочих; повторяющийся сон о ключе, который не подходит ни к одному замку.

Контур: семейный.

Общий вес при приёме: сто девяносто четыре деления.

Общий вес после поступления записи 1185: двести тридцать одно деление.

Основание увеличения: естественная нестабильность личных свидетельств.

Приписка механической артели: увеличение совпадает с тридцатью семью делениями, снятыми с записи 1185.

Ответ суда: совпадение не доказывает связи.

Ответ артели: разность равна нулю.

Запись 1193.

Владелица: дочь должностного лица.

Содержание: не указано.

Основание хранения: добровольная передача запечатанного свидетельства.

Право открытия: только с согласия владелицы либо при непосредственной угрозе жизни владельца.

Контур: семейный.

Вес: шесть делений.

Дополнительная отметка суда: возможное доказательство должно быть передано в государственный контур.

Ответ владелицы: отсутствует.

Отметка системы: молчание не является согласием.

Отметка суда зачёркнута. Под зачёркнутой строкой рукой хранителя написано: до получения ответа не перемещать.

Ночной приём

В ноль часов тринадцать минут представитель суда доставил двадцать три футляра с записями о пожаре. Имена владельцев были закрыты судебной печатью. В графе «право отказа» стояло: не применяется. В графе «принятый вес» заранее напечатан ноль.

Хранитель ночной смены отказался поставить подпись до ручного взвешивания.

В ноль часов двадцать минут представитель суда предъявил распоряжение о приоритетном приёме.

В ноль часов двадцать три минуты хранитель повторно отказался подписать нулевой вес.

В ноль часов двадцать семь минут капитанская линия нижнего уровня перестала принимать запросы с поста хранителя. Причина в журнале связи: плановое испытание.

Плановых испытаний на эту ночь не назначалось.

В ноль часов тридцать одну минут государственный контур принял двадцать три футляра без подписи хранителя.

В ноль часов тридцать две минуты корма осела на одну риску.

В ноль часов тридцать четыре минуты — ещё на одну.

В ноль часов сорок минут датчики семейного контура показали поступление неопознанной нагрузки.

В ноль часов сорок две минуты автоматика исправила слово «неопознанная» на «остаточная».

В ноль часов сорок семь минут хранитель вернул прежнюю формулировку.

В ноль часов сорок восемь минут автоматика исправила её снова.

После третьего исправления хранитель вырвал страницу из рабочего журнала, переписал показания от руки и спрятал копию в ящике сигнальных флажков. Настоящая выписка восстановлена по этой копии.

Имя хранителя временно закрыто по его просьбе.

Причина просьбы: у хранителя есть семья на нижней палубе.

Сравнительная таблица

Государственное признание о соблюдении порядка — ноль делений.

Воспоминание вдовы о том, как ей сообщили о гибели мужа, — девятнадцать делений.

Государственное признание о недостатке сведений — ноль делений.

Воспоминание ребёнка о том, как взрослые перестали отвечать на его вопросы, — одиннадцать делений.

Государственное признание о невозможности установить виновного — ноль делений.

Воспоминание сестры, назвавшей действие, но отказавшейся назвать человека, — тридцать два деления.

Государственное признание о полном проведении слушания — ноль делений.

Незаверенная приписка «ограничено заданными вопросами» — девять делений и продолжает расти.

В наставлении сказано: рост означает, что воспоминание не принято владельцем.

Владелица приписки её приняла.

Суд — нет.

Система не различает этих двух субъектов, хотя один из них прожил событие, а второй оформил его.

Из истории нулевого контура

Первый проект музыкальной решётки не содержал нулевых значений. Сохранившиеся чертежи допускают паузу, встречный голос и неразрешённое созвучие. Вес должен был распределяться между версиями до тех пор, пока каждая из них сохраняла владельца и границы его согласия.

Через три года после спуска судна в проект внесена переделка.

Одна половина решётки получила право задавать основной тон.

Другая была обязана повторять его.

Версия, заверенная судом, стала считаться основной. Всё, что не помещалось в неё, получило название остатка. Основной тон записывался как невесомый. Остаток уходил в гибкий контур, чаще всего семейный, потому что государственный не предусматривал колебаний сверх утверждённого значения.

В распоряжении о переделке стоят три подписи.

Первая принадлежит судебному архитектору. Имя размыто водой.

Вторая принадлежит представителю архива. Нижняя часть листа вырезана вместе с фамилией.

Третья сделана рукой проектировщика решётки.

Подпись начинается буквой «Л».

Остальная часть закрыта поздней сургучной печатью.

Печать поставлена через девять лет после смерти проектировщика.

Аварийное дополнение

После размыкания капитанской линии архитектор Лада Корс предложила временно соединить двадцать три государственных футляра переносными рамками. При ручном взвешивании общий груз составил восемьсот семьдесят два деления.

Судебный представитель потребовал вернуть нулевое значение.

Капитан Марек Вейн предложил ему письменно принять ответственность за передачу восьмисот семидесяти двух делений семейному контуру.

Подпись судебного представителя: отсутствует.

Аварийный сброс не произведён.

Количество сохранённых воспоминаний: двадцать три.

Количество спасённых людей в третьем семейном трюме: девять.

Количество лиц, официально принявших дополнительный вес: ноль.

Количество лиц, фактически несущих его: определению по утверждённой форме не подлежит.

Механическая артель предлагает заменить последнюю строку:

Все, кому не оставили места в основной версии.

Суд отклонил формулировку как неточную.

Хранители нижнего архива приняли её единогласно.

Состояние на момент закрытия выписки

Переносные рамки нагрелись до предельной температуры.

Комната номер семь отключена от килевого контура.

Суд потребовал построить десять новых комнат.

В государственном трюме остаются двадцать три футляра, которые система продолжает считать невесомыми.

В третьем семейном трюме вода отступила не полностью.

На нижней палубе девять человек сушат вещи на трубах отопления. Один мальчик держит красный футляр своей матери и не разрешает поставить его на весы без неё.

Его требование не предусмотрено формой.

Хранитель записал его дословно.

Я не говорю, что он ничего не весит. Я говорю, что это не ваше.

На этом утренняя выписка закрыта.

Реестр остаётся открыт.

Глава 6. Сестра слышит иначе

Ника поднялась на борт с чемоданом, из которого доносилось позвякивание, и первым делом спросила:

— Ты ела?

Лада ждала другого вопроса. О матери. О затопленном трюме. О подписи, начинавшейся на «Л». Она успела приготовить ответы на всё, кроме этого.

— Не помню.

— Значит, нет.

Ника сунула ей завёрнутую в бумагу лепёшку и обняла, не выпуская чемодан. Объятие получилось неловким: между ними мешали свёрток, мокрые плащи и привычка Лады держать руки свободными для работы.

— На пристани говорят, ты едва не утопила архив, — сказала Ника ей в плечо.

— А в суде?

— В суде говорят, ты не дала его спасти.

— Прекрасный выбор версий.

— Поэтому я спросила про еду.

Она отступила и оглядела старшую сестру. Ника была ниже Лады, носила коротко остриженные волосы и серьги из старых камертонов. В детстве она разбирала материнские музыкальные шкатулки, чтобы выяснить, где прячется голос. Теперь реставрировала записи, которые пережили своих владельцев.

На её левом запястье темнела чернильная полоса.

— Ты работала ночью? — спросила Лада.

— Ты прислала матроса с тремя нотами и паузой. Что мне оставалось — выспаться?

— Можно было хотя бы взять помощника.

— Можно было хотя бы написать, что ты жива.

Лада развернула лепёшку. Сыр внутри ещё был тёплым. Значит, Ника купила её у причала и поднималась сразу, не задерживаясь у толпы. За ограждением люди держали газеты с крупным заголовком: «АРХИВ ЗАПЕРТ КАПИТАНОМ». Ниже мелко стояло имя Лады.

— Где звук? — спросила Ника.

— Внизу.

— Тогда ешь по дороге.

У трапа их остановил Марек. Он говорил с двумя старшими матросами, указывая на план эвакуационных шлюпок. Увидев сестёр, закончил распоряжение и подошёл.

— Ника Корс?

— Капитан Вейн?

Они обменялись взглядами людей, о которых заранее слышали слишком много от одного и того же человека.

— Нижний уровень закрыт, — сказал Марек.

— Тогда откройте.

— Сестра, — тихо сказала Лада.

— Что? Ты привезла меня слушать стену. Стена внизу.

Марек не улыбнулся, но у его глаз появилась короткая складка.

— Я могу провести вас к смотровому мостку. К футлярам нельзя прикасаться. К рамкам — тем более.

— Я реставратор звука, а не ребёнок.

— Сегодня на этом судне взрослые уже трижды сделали вещи, которые я запретил бы ребёнку.

— И сколько раз среди этих взрослых была Лада?

— Все три.

— Тогда мы поняли друг друга.

Лада доела лепёшку, пока они спускались. Это было проще, чем вмешиваться.

Чем ниже они шли, тем теплее становились поручни. На второй палубе жар поднимался от пола. Временные рамки работали уже дольше расчётных двух часов; медные скобы на переборках потемнели.

Сона ждала у запертой двери государственного трюма. Перед ней стояло ведро воды, но не для тушения: в нём охлаждались инструменты.

— Наконец-то ещё одна Корс, — сказала она. — Может, эта умеет приходить до того, как всё треснет.

— Нет, — ответила Ника. — Но я умею объяснять первой, почему треснуло после.

Сона одобрительно кивнула и протянула ей латунный ключ от смотрового мостка.

— Семнадцатая рамка нагревается быстрее других. Мы меняем мокрые накладки каждые восемь минут. Если снимем её, весь хор снова собьётся в один тон.

— Не хор, — сказала Ника, ещё не открыв дверь.

Лада замерла.

— Ты не слышала.

— Я слышу через переборку. Хор дышит. Это колесо.

Она вошла первой.

Двадцать три футляра висели в переносных рамах над решётчатым настилом. Между ними тянулись струны, настроенные Ладой в килевом узле. Воздух дрожал от низкого звука, который скорее ощущался рёбрами, чем ушами. Через каждые три удара возникала пауза.

Лада до сих пор слышала в ней начало песни матери.

Ника поставила чемодан, достала два маленьких рупора, катушку тонкой проволоки и четыре стеклянные пластины. Одну прижала к переборке, вторую положила на настил, две отдала Ладе и Мареку.

— Держите за края. Не прижимайте большим пальцем.

— Что они покажут? — спросил Марек.

— Ничего. Они дадут вам услышать место, а не собственные кости.

Ника соединила пластины проволокой. Звук стал тоньше. В нём обнаружились слои: ровный гул корпуса, частое постукивание рамок, шелест воды за бортом. И три светлые ноты перед паузой.

Лада знала их с детства. Мать напевала песню, когда чертила за кухонным столом. Первая нота была низкой, вторая поднималась, третья обещала разрешение. После неё голос должен был вернуться к началу.

Но Ника нахмурилась.

— Это не мамина партия.

— Именно её.

— Нет.

Лада указала на пластину, словно звук можно было удержать пальцем.

— Три ноты, пауза. Она пела так каждую ночь.

— Тебе — так.

— Что значит «мне»?

Ника переставила рупор ближе к килевой балке.

— Ты никогда не дослушивала вторую строку. Убегала за линейкой и пыталась начертить первую.

— Я помню песню.

— Ты помнишь свою половину.

Четвёртая нота появилась не после паузы, а под ней — едва заметная, удерживаемая глубоко в корпусе. Потом ещё одна. Они не завершали мелодию Лады. Шли поперёк неё.

Ника тихо запела без слов. Три знакомые ноты — и одновременно второй голос, который начинался там, где первый замолкал. Пауза оказалась не пустым местом между фразами. В ней жила чужая партия.

У Лады похолодели пальцы.

— Мама не пела так при мне.

— Пела. Ты считала второй голос отражением.

— Почему ты его слышала?

— Потому что не пыталась решить, какая нота главная.

Сона тихо выругалась у семнадцатой рамки. Из-под медной скобы поднялся дымок. Она окунула накладку в ведро и прижала к металлу. Пар закрыл футляр мутным облаком.

— Разговор о детстве придётся ускорить, — сказала она. — Ещё градусов десять, и припой поплывёт.

Лада опустила на колено у балки. Если Ника права, исходная решётка была не способом согласовать разные версии в общее созвучие. Она была устроена радикальнее: каждая партия могла сохранять собственный ход, не становясь сопровождением другой.

— Переделка заставила второй голос повторять первый, — сказала Лада.

— Да.

— Но если освободить его полностью, нагрузка разделится.

— Возможно.

— Не возможно. Это объясняет паузы на кальке и ответ комнаты Инессе.

— Лада.

— Нужно найти точки входа второй партии. Их должно быть семь по длине киля. Если открыть хотя бы две, рамки остынут.

— Лада.

Ника сняла стеклянную пластину с переборки.

— Сначала ты позвала меня узнать песню. Теперь уже решила, что она доказывает.

— Потому что доказывает.

— Она показывает устройство. Не намерения мамы.

— На переделке её подпись.

— Часть буквы под печатью.

— Эвар знает, чья она.

— Эвар знает, на что ты отреагируешь.

Лада поднялась.

— Ты всегда её защищаешь.

— А ты всегда устраиваешь суд раньше, чем находишь вопрос.

Слова ударили точнее, чем Лада ожидала. Марек отвернулся к рамкам, оставляя им подобие частного пространства, хотя в трюме негде было спрятаться от звука.

— Она проектировала эту систему, — сказала Лада. — Если она позволила превратить чужие последствия в остаток, я должна знать.

— Ты хочешь знать или хочешь вынести решение?

— Какая разница?

— Та, о которой ты спорила с канцлером наверху.

Семнадцатая рамка щёлкнула. Одна из струн ослабла, и все футляры разом качнулись к корме. Судно ответило глубоким ударом.

Марек оказался у рамы раньше Соны. Подхватил боковую скобу здоровой рукой, не касаясь футляра.

— Сколько? — спросил он.

— Три минуты до распайки, — ответила Сона. — Может, пять, если металл сегодня добрый.

— Металл не бывает добрым, — сказала Лада.

Она уже видела решение: две струны уходили от семнадцатой рамы в старые каналы под настилом. Один был заварен поздней пластиной, второй закрыт болтами. Точки входа второй партии. Не семь — здесь достаточно одной.

— Сона, снять пластину.

— За ней килевой канал. Если ошиблась, примем весь вес сюда.

— Не весь. Встречный.

— Это твоё ухо говорит или сестрино?

Лада посмотрела на Нику.

Та стояла с рупором в руке, сердитая и испуганная. Потом снова приложила пластину к настилу.

— Мой голос начинается под третьим болтом, — сказала она. — Не под пластиной.

— Там нет канала.

— Тогда зачем он отвечает?

Лада легла на горячий настил и прижала ухо к металлу. Под третьим болтом звучала тонкая нота. Она не совпадала ни с одной линией на сохранившейся кальке.

— Поздняя перемычка скрыла ответвление, — сказала Лада. — Сона, болт.

— Приказ капитана?

Марек держал раму; повязка на его руке снова краснела.

— Работайте.

Сона вставила ключ. Болт не поддавался. Тим, до сих пор молча стоявший у двери с новым ведром, поставил его и навалился на рукоять вместе с ней. Резьба вскрикнула. Из отверстия вырвался горячий воздух.

Ника запела вторую партию.

Лада поймала её камертоном и подвела ослабшую струну к открытому каналу. В первый миг звук стал невыносимым: две линии столкнулись, ни одна не уступила. Футляры задрожали. Марек сильнее упёрся плечом в раму.

— Корс!

Обе сестры ответили:

— Сейчас.

И впервые за утро посмотрели друг на друга без спора.

Лада перестала тянуть вторую ноту к своей. Вместо этого ослабила крепление, оставляя между ними тот самый неровный промежуток, который прежде приняла бы за ошибку. Ника удержала голос. Встречная партия вошла в килевой канал.

Пауза раскрылась.

Семнадцатая рамка перестала дымить.

Одна за другой успокоились соседние струны. Гул не исчез, но перестал давить на грудь. Сона приложила тыльную сторону ладони к скобе.

— Остывает.

Марек медленно отпустил раму. На белой повязке проступило красное пятно.

— Насколько это продлит время? — спросил он.

Лада хотела ответить сразу. Ника подняла палец.

Они слушали вместе.

— Шесть часов, — сказала Лада.

— Четыре, — одновременно сказала Ника.

Сона посмотрела на них.

— Очень семейный способ вселить уверенность.

— Через четыре часа перегреется следующий закрытый вход, — пояснила Ника. — Шесть — до распайки этой рамы.

Лада проверила расчёт и кивнула.

— Значит, четыре часа.

Марек не спросил, которая из сестёр права. Он принял меньший срок.

— К тому времени мне нужен план всех входов и способ открыть их без риска для владельцев. Иначе возвращаемся к вопросу разгрузки.

— Не возвращаемся, — сказала Лада.

— Вопрос не исчезает потому, что вы его ненавидите.

— И решение не становится единственным потому, что оно записано в уставе.

— Четыре часа, архитектор.

Он ушёл к двери, но Ника остановила его:

— Капитан.

Марек обернулся.

— Она не ошиблась в устройстве, — сказала Ника. — Только в песне.

— Для сегодняшнего утра это хороший результат.

Когда дверь за ним закрылась, Лада собрала инструменты слишком аккуратно.

— Не нужно было объяснять ему, в чём я ошиблась.

— Он стоял рядом.

— Это не делает его участником семейного разговора.

— А твоё подозрение не делает маму обвиняемой.

Лада сжала камертон.

— Если подпись её?

Ника присела рядом. Теперь между ними не было ни чемодана, ни свёртка, только открытый болт и звук, уходящий в глубину судна.

— Тогда узнаем, что именно она подписала. Не что Эвар написал поверх. Не что ты боишься найти. Не что я хочу простить. Всю строку.

— Её может не быть.

— Последствия остались. Ты сама построила на этом профессию.

Лада провела пальцем рядом с отверстием. На внутреннем крае резьбы виднелась насечка: две сходящиеся линии и короткая поперечная черта. Материнский знак паузы, но иной — не пустота между голосами, а место их пересечения.

— Мама спрятала второй вход под болтом, — сказала она.

— Или кто-то использовал её знак.

— Ты не можешь просто согласиться?

— Могу. Когда ты перестанешь выдавать надежду за доказательство.

Лада рассмеялась — коротко, против воли. Ника тоже. Смех странно лёг на гул киля и не разрушил ни одной ноты.

Сона принесла из соседнего отсека свёрнутый план.

— Семейное примирение окончено? У нас три часа пятьдесят две минуты.

Лада развернула лист прямо на настиле. На официальном чертеже канал под третьим болтом отсутствовал. Но если перенести на план встречную партию Ники, скрытые входы располагались не вдоль киля, как ожидала Лада, а поперёк палуб: от государственного трюма к семейным, от судебных комнат к личным хранилищам, от главного тона к тем, кого система называла остатком.

Это была не решётка для одного судна.

Это был незавершённый способ дать каждому свидетельству собственный ответ.

Лада поставила первую отметку.

Потом вторую.

На третьей линия ушла вверх — к комнате номер семь.
На четвёртой — в старый архив основания, запертый со дня смерти Леи Корс.
Ника увидела название отсека одновременно с ней.
— Вот туда, — сказала Лада, — нам и нужно.
— Нам?
— Ты же не позволишь мне одной превратить маму в задачу.
Ника закрыла чемодан.
— Не позволю.
За переборкой четыре ноты прозвучали одновременно. Ни одна не стала главной.

Глава 7. Право капитана

До архива основания оставалось две двери.

Первую Лада открыла ключом Соны. На второй не было ни замка, ни ручки — только медная пластина с выдавленной строкой: «Доступ владельца, хранителя или капитана».

— Кто здесь владелец? — спросила Ника.

— Мёртвые, — ответила Сона. — Поэтому последние семнадцать лет входил только капитан. Дважды: при вступлении в должность и после аварии Девятого рейса.

Лада провела камертоном вдоль косяка. За металлом отзывалась встречная партия. Она шла сюда из трёх направлений и обрывалась у печати в центре пластины.

— Дверь включена в решётку. Если снять печать, откроются ещё два входа.

— Или закроются все, — сказала Ника.

— Поэтому сначала послушаем.

Лада достала тонкое сверло. Сона перехватила её запястье.

— Я сказала «послушаем».

— Ты сказала это со сверлом.

Позади щёлкнул предохранитель сигнального пистолета.

Марек стоял в проходе один. Пистолет держал стволом вниз, но красная ракетница на судне означала приказ, который услышат все посты. Его раненая рука была перебинтована заново. На лице не осталось ни той короткой усмешки, с которой он встретил Нику, ни усталости трюма.

— Отойдите от двери, — сказал он.

Лада не опустила сверло.

— У нас три часа сорок минут.

— Теперь три часа тридцать девять. Отойдите.

— За этой печатью исходная схема.

— За этой печатью память основателей, личные договоры и аварийные ключи ко всему судну.

— Значит, именно там можно понять, что сделали с решёткой.

— Возможно. Сверло на пол.

Сона отпустила Ладину руку и первой положила свой ключ рядом с ботинком. Ника закрыла чемодан. Лада смотрела на медную пластину, за которой едва слышно продолжалась материнская песня. Ей хватило бы минуты, чтобы сделать отверстие у нижнего края, не задев печать. Через него можно было бы снять рисунок колебаний.

Марек поднял ракетницу на ширину ладони.

— Если вы нарушите контур, я затоплю этот коридор.

— Вместе с архивом?

— Вместе с нами четырьмя. Остальные восемьсот человек останутся наверху.

Лада положила сверло.

Матросы появились только после этого. Шестеро, в пожарных нагрудниках, с переносными заслонами. Марек не привёл их сразу к двери: держал за поворотом, чтобы Лада не приняла присутствие силы за довод. От этой предусмотрительности она разозлилась сильнее.

— Госпожа Корс, госпожа Корс, хранитель Соны, — сказал он. — Вы задержаны до выяснения ущерба.

— Мы только что продлили судну жизнь, — отрезала Лада.

— И без разрешения вскрыли килевой канал.

— По вашему приказу.

— Третий болт — по моему. Дверь основания — нет.

— Мы её не вскрыли.

— Потому что я успел.

Он не повысил голоса. Матросы не коснулись ни одной из женщин, лишь выстроились так, что единственный путь вёл наверх. Это тоже было частью капитанского права: превращать пространство в приказ.

Лада забрала сверло с пола.

— Мне нужен доступ.

— А мне нужен корабль, который не развалится от вашего следующего правильного предположения.

— Предыдущие два оказались верными.

— Поэтому вы ещё на борту.

На второй палубе их развели. Сону отвели к хранителям — не под стражу, а составлять перечень нарушенных печатей. Нике разрешили остаться в лазарете после того, как она назвала капитанский приказ «дорогим способом потерять единственного человека, который слышит вторую партию». Ладу заперли в картографической каюте.

Комната была достаточно большой, чтобы человек мог ходить по кругу и считать это свободой. На стенах висели карты Морены: глубины у причалов, течения, водозаборные трубы, эвакуационные коридоры. Красными булавками отмечались места, куда можно вывести людей с «Палимпсеста». У каждой стояло число.

Лада сложила их раньше, чем вернулся Марек.

Восемьсот двенадцать.

— В реестре экипажа восемьсот, — сказала она, когда он открыл дверь.

— Двенадцать посетителей не успели сойти до закрытия.

— Среди них мы трое.

— Вы числитесь подрядчиками. Посетителей девять. Ещё двое судебных писцов и посыльный канцлера.

Он поставил на стол поднос с водой, хлебом и чашкой рыбного бульона. Сам остался стоять.

— Это допрос? — спросила Лада.

— Нет.

— Тогда откройте дверь.

— Нет.

— Прекрасная беседа.

— Допрос начнёт портовая комиссия, когда прибудет. Я пришёл узнать, как вы собирались открыть архив.

— Не собиралась. Хотела снять колебание через пробное отверстие.

— Диаметр?

— Полтора миллиметра.

— Глубина?

— До внутреннего слоя пластины. Семь миллиметров.

— На официальном чертеже за седьмым миллиметром проходит охранная струна.

Лада замолчала.

— На исходном её быть не должно.

— Но вы работали не с исходным.

— Поэтому и нужен архив.

— Вы хотели повредить дверь, чтобы узнать, безопасно ли повреждать дверь.

Он сел напротив. Между ними лежала карта эвакуации, и Лада вдруг поняла, зачем её заперли именно здесь.

— Вы специально оставили карты.

- Это рабочая каюта.
- С булавками и числами.
- Я не успел убрать работу ради вашего задержания.
- Вы хотели, чтобы я посчитала людей.

Марек посмотрел на неё с раздражением, почти равным её собственному.

— Я хотел успеть рассадить их по шлюпкам до следующей тревоги. Мир не всегда устроен для вашего нравственного урока.

Лада отпила бульон, только теперь заметив, как дрожат пальцы. Марек отвёл взгляд. Не предложил помощь и не сделал вид, что не заметил.

— Девятьсот двадцать мест, — сказала она. — Почему на схеме только шестьсот сорок одно?

— Часть шлюпок нельзя спустить при нынешней осадке. Три висят над государственным трюмом. Если рамы распаяются, шлюпбалки поведёт раньше сигнала.

- Тогда разгрузка не спасёт всех.
- Спасёт, если начнётся сейчас.
- Ценой чьей памяти?
- Я ещё не утвердил список.
- Но составили его вы.
- Составила система. Я приостановил исполнение.
- На четыре часа.
- На столько, сколько вы нам купили.

Он развернул карту. Рядом с каждым эвакуационным постом стояли две цифры: вместимость и время заполнения. Лада читала их как чертёж чужого решения. На верхних палубах хватало мест. Внизу, где жили семьи хранителей и работали грузчики, людей было больше, а выходов меньше.

- Сначала уходят нижние палубы, — сказала она.
- Да.
- Хотя государственный протокол даёт приоритет судьям и запечатанным свидетелям.
- Людям, затем грузу.
- За это вас тоже отстроят.
- Вероятно.
- И всё равно вы готовы запустить сброс.
- Если выбор будет между чужими эпизодами и чужими жизнями — да.

Лада отодвинула чашку.

- Вы говорите так, будто воспоминания не принадлежат людям.
- Принадлежат.
- Собственность нельзя выбросить без согласия.
- В трюме можно выбросить любой ящик, если его вес топит судно.
- В ящике человек продолжает жить без дыры в собственной истории?
- Нет.
- Тогда это не груз.
- А судно не метафора, Лада.

Он впервые назвал её по имени, и от этого возражение потеряло привычную опору. Не капитан спорил с архитектором. Мужчина, который держал рамку раненой рукой, говорил женщине, готовой просверлить неизвестный контур.

- Вы знали, что за дверью охранный струна, — сказала она. — Почему сразу не сказали?
- Вы бы потребовали показать чертёж.
- Конечно.
- Я не имею права выносить его из архива основания.

— Даже чтобы спасти судно?

— Аварийное право позволяет мне открыть архив. Оно не позволяет передать содержимое подрядчику без согласия хранителей и наследников владельцев.

Лада рассмеялась без веселья.

— Значит, память Тима вы можете выбросить, а линию на бумаге показать не можете?

— Именно поэтому я остановил сброс.

— Временно.

— Да. Временно. Потому что если через три часа рамы начнут плавиться, право Тима на память столкнётся не с моим удобством, а с правом восьмисот двенадцати людей не утонуть.

— Три часа, — повторила она. — Ника насчитала четыре.

— Один уже прошёл.

Лада посмотрела на часы над дверью. Он был прав. Пока её вели наверх, пока Сона заполняла акт, пока Марек проверял эвакуацию, время не остановилось ради их спора.

— Выпустите меня.

— Сначала план.

— Для плана нужен архив.

— Для доступа к архиву нужен план.

— Это круг.

— Это шлюз. Он не открывает обе двери сразу.

Марек достал из внутреннего кармана сложенный вчетверо лист. Положил поверх карты. На листе стояли подписи Аделы, двух старших хранителей и самого Марека. Три строки разрешали осмотр внешнего контура архива основания без вскрытия личных футляров. Четвёртая оставалась пустой.

«Представитель владельцев».

— Наследников больше сотни, — сказала Лада.

— Сто двадцать семь. Пятеро на борту. Двое согласились представлять только свои семьи. Один отказался. Один не в состоянии отвечать. Пятая — ваша сестра.

Лада перечитала строку.

— Ника не владелец всех записей.

— Нет. Поэтому её подпись даст доступ только к материнскому сектору и общей схеме, если ту можно отделить от личных данных.

— Вы уже всё подготовили.

— Пока вы собирались сверлить.

Ей хотелось возразить, но точный удар не оставлял места.

— Почему не позвали меня сразу?

— Потому что должен был убедиться, что вы понимаете разницу между доступом и владением.

— А вы понимаете разницу между командованием и согласием?

— Учусь.

Ответ прозвучал без защиты. Лада подняла глаза.

Марек положил рядом второй документ — приказ об остановке автоматического сброса. Не отсрочка на четыре часа. Полная блокировка системы до личного капитанского подтверждения. Внизу стояла свежая печать.

— Когда вы это подписали?

— После килевого канала.

— Почему не сказали?

— Вы не спросили.

— Это нечестно.

— Зато правда.

Комната не была одной из Ладиных, но ложь всё равно не прошла бы между ними незамеченной.

— Теперь весь выбор на вас, — сказала она.

— Он и был на мне. Автоматическая система только позволяла прежним капитанам делать вид, что выбирала машина.

— Если рамы распаяются?

— Я приму решение сам.

— Не советуясь с владельцами?

— Если будет время — советуясь. Если вода пойдёт через жилые палубы — нет.

— Тогда чем вы отличаетесь от системы?

Марек не ответил сразу. За переборкой пробежала вибрация: встречная партия держалась, но её нота стала выше.

— Тем, что после этого нельзя будет сказать: таков порядок, — произнёс он. — Будет моё имя, мой приказ и люди, которым я обязан ответить в лицо.

Лада вспомнила реестр с безличными строками: «сброшено», «заменимо», «остаточный вес». Ни одного глагола с живым подлежащим.

— Ответственность не возвращает память.

— Нет.

— И не делает решение справедливым.

— Нет.

— Тогда зачем она?

— Чтобы несправедливость не стала удобной.

Тишина после этих слов оказалась тяжелее ссоры. Лада коснулась приказа кончиком пальца. Бумага была тёплой от его кармана.

— Мне нужны не три часа, — сказала она.

— Сколько?

Она посмотрела на карту, затем на схему шлюпок. Временные рамы можно было не просто охлаждать, а перенастраивать по очереди. Открытый вход под третьим болтом принимал встречный голос. Если распределить его между четырьмя секторами, выигрыш составит не часы.

Но проверять придётся на реальных футлярах. С согласиями владельцев. С наблюдением хранителей. И с готовой эвакуацией на случай ошибки.

— Трое суток.

Марек даже не усмехнулся.

— У вас два часа сорок семь минут.

— Дайте мне доступ к внешней схеме. Ника подпишет материнский сектор. Сона соберёт владельцев семнадцати рамок и спросит согласие на временный перенос веса, без изъятия эпизодов. Я открою ещё три встречных входа по одному. Если каждый снимет хотя бы пятую часть нагрева, получим сутки. За сутки построю распределительную модель ещё на двое.

— Если первый вход добавит нагрузку?

— Закрываем и начинаем эвакуацию.

— Кто решает, что нагрузка добавилась?

— Не я одна. Вы, Сона и механик поста измеряете осадку, температуру и натяжение. Ника слушает вторую партию. Любое из четырёх показаний выходит за предел — испытание прекращается.

— Пределы?

Лада перевернула карту и начала писать. Температура припоя. Смещение ватерлинии. Частота основной струны. Время на закрытие канала. Число людей в опасном секторе. Марек не перебивал, лишь передвинул лампу.

Когда она закончила, он зачеркнул одно число.

— Эвакуация нижней палубы занимает не двенадцать минут, а семнадцать.

— По схеме двенадцать.

— По учениям. Сегодня коридор у третьего трюма сужен рамами.

Она исправила расчёт. При семнадцати минутах допустимый рост температуры был ниже.

— Тогда начинаем выводить людей до испытания.

— Если поднимем тревогу, порт узнает.

— Порт и так знает, что мы тонем.

— Порт знает газетную версию. Паника на трапах может убить быстрее воды.

— Назовите это учебной пересадкой.

— То есть солгать?

Лада поморщилась.

— Объявите подготовку без причины.

— Неполная правда.

— Люди имеют право знать риск.

— Согласен.

Он взял чистый лист и написал объявление: «Из-за нестабильности нижнего контура жители палуб четыре и пять временно переходят на верхние посты. Личные футляры остаются под охраной. Решение об изъятии воспоминаний не принято».

— Последняя строка вызовет давку к хранилищам, — сказала Лада.

— Но она ответит на первый вопрос каждой семьи.

— Добавьте, что автоматический сброс заблокирован.

Марек добавил.

— И что доступ к футлярам будет только с согласия владельцев.

— В аварии я не могу обещать этого.

— Тогда «во время испытания».

Он написал и это.

Их головы склонились над одним листом. Лада чувствовала запах мокрой шерсти от его мундира и горькой мази под свежей повязкой. Близость была слишком заметной, чтобы назвать её случайностью, и слишком неуместной, чтобы позволить ей что-то решить.

Она отодвинулась первой.

— Трое суток, — повторила она.

— Одно испытание, — сказал Марек. — Если оно даёт сутки, получите следующие условия. Трое суток не подарок, а результат, который вы обязаны каждый раз доказать.

— И всё это время вы сохраняете право сброса.

— Да.

— Я с ним не согласна.

— Я знаю.

— Постараюсь построить систему, в которой оно вам не понадобится.

— Поэтому я открываю дверь.

Он подписал её расчёт и протянул ключ от каюты.

В коридоре ждала Ника. Чернильная полоса на её запястье стала шире: рядом с ней стояла Адела с книгой согласий.

— Я подписала только материнский сектор, — сразу сказала Ника. — И только внешнюю схему. Если полезешь в её записи без меня, я сама попрошу капитана затопить коридор.

— Семейная поддержка, — сказала Лада.

— Самая надёжная.

Сона подошла со стороны трапа.

— Пятнадцать владельцев согласны на перенастройку. Один просит присутствовать. Ещё один сказал, что скорее выбросит футляр в море сам, чем даст архитектору трогать его второй раз.

— Его раму не трогаем, — сказала Лада.

— Она семнадцатая.

Та самая, что перегревалась первой.

Марек посмотрел на часы.

— Можно изолировать её?

— Тогда соседние примут вес, — ответила Лада.

— Значит, план не работает.

Прежняя Лада сказала бы, что человек не понял опасности. Что согласие, принятое из страха и незнания, нельзя считать разумным. Что она лучше видит целое.

Но за закрытой дверью архива лежали чужие воспоминания, а в картографической каюте остался приказ с одним живым именем.

— Я поговорю с ним, — сказала она. — Не убеждать. Объяснить варианты и услышать условия.

— У нас два часа двадцать минут, — напомнила Сона.

— Тогда говорим ясно.

Владелец семнадцатого футляра ждал у грузового лифта. Это был мальчик в серой куртке — тот самый, чья строка завершала реестр: «Это не ваше». Красный футляр принадлежал ему.

Лада остановилась в трёх шагах.

— Меня зовут Лада Корс. Я архитектор рам, которые сейчас держат ваш футляр.

— Я знаю.

— Я хочу изменить натяжение вокруг него. Само воспоминание открывать не буду. Но если ничего не делать, крепление может расплавиться. Тогда капитану придётся выбирать между сбросом части груза и эвакуацией.

— Пусть эвакуирует.

— Уже начинается.

Мальчик бросил быстрый взгляд на Марека. Тот стоял у лестницы, достаточно далеко, чтобы не давить присутствием.

— А мой футляр?

— Мы можем оставить его в раме и не трогать. Риск нагрева выше. Можем перенести натяжение на внешний обод без доступа к памяти. Риск ниже, но не нулевой. Или вы можете забрать футляр с судна, когда откроют трап. Тогда он не будет защищён решёткой.

— Вы говорили, что он слишком тяжёлый.

— Я ошиблась. Тяжёлое не воспоминание. Тяжёлое то, что система заставляет вас о нём отрицать.

— А если я не скажу, что там?

— Это ваше право.

— И комната не заставит?

— Нет, если вопрос не зададут. Я попрошу хранителей вообще его не задавать.

Мальчик задумался. Ника не вмешивалась. Адела держала книгу закрытой.

— Я буду рядом, когда вы тронете раму.

— Хорошо.

— И если скажу остановиться, вы остановитесь.

Лада посмотрела на Марека.

Капитан кивнул один раз.

— Остановимся, — сказала она.

Мальчик протянул руку не ей, а Аделе. Та открыла книгу согласий и записала условие дословно.

Когда они вернулись к архиву основания, медная дверь уже не казалась Ладе преградой между ней и ответом. Она стала границей, которую можно перейти только вместе с теми, кому принадлежало лежащее за ней.

Марек вставил капитанский ключ. Ника — тонкую материнскую пластину, которую принесла Адела. Хранительница приложила ладонь к третьей печати.

— Доступ ограничен общей схемой и сектором Леи Корс, — произнесла она. — Личные записи закрыты. Копирование имён запрещено. Любое расширение — только новым согласием.

Печать ответила тремя разными нотами. Ни одна не стала главной.

Дверь отворилась на ладонь.

Из темноты дохнуло сухой бумагой, солью и едва различимой мелодией. Лада услышала знакомые три ноты. Под ними начинался второй голос. А дальше, впервые, вступал третий.

Она не шагнула внутрь.

Сначала достала лист условий, подписанный Марексом, и прикрепила его снаружи двери.

— Трое суток начинаются не сейчас, — сказал он.

— Знаю. Сначала мы должны их заработать.

На нижних палубах прозвучало объявление об эвакуации. Автоматический сброс был заблокирован. Люди поднимались вверх вместе со своей тревогой, а память оставалась в рамах — пока оставалась.

Лада переступила порог только после Ники и Аделы.

Марек вошёл последним.

Глава 8. Нижняя палуба

В архиве основания не было ни одного футляра.

За медной дверью стояли семь пюпитров, пустые шкафы и модель «Палимпсеста», собранная из тонких костяных пластин. Струны проходили сквозь неё не вдоль киля, как на поздних чертежах, а во всех направлениях. Каждая соединяла несколько помещений, но ни одна не заканчивалась в суде.

Лада успела увидеть это прежде, чем по коридору ударил аварийный колокол.

Один короткий, два длинных: затор при эвакуации.

Марек закрыл дверь основания раньше, чем затих второй удар.

— Верхний пост продолжает осмотр, — сказал он Аделе. — Никого внутрь до моего возвращения.

— Я нужна здесь, — возразила Лада.

— Вы нужны там, где стоят ваши рамы.

Они спускались против потока людей. Жители четвёртой и пятой палуб поднимались с узлами, клетками, свёрнутыми матрасами. Объявление просило брать только необходимое, и каждый понимал необходимое по-своему. Кто-то нёс семейную посуду, кто-то рабочие инструменты, кто-то пустой футляр на ремне.

У грузового лифта толпа остановилась. Женщина в синем платке вцепилась обеими руками в решётчатую дверь.

— Я без него не уйду.

Тим стоял перед ней, не касаясь рук.

— Футляры под охраной, тётя Мира. Их сейчас нельзя выдать.

— Ты говорил то же самое в прошлый раз.

— Тогда говорил не я.

— Голос тот же.

За женщиной плакала девочка лет восьми. Не громко, словно боялась занять лишнее место. В одной руке она держала сапог, во второй — деревянную ложку.

Марек поднялся на ящик.

— Лифт не откроется. Хранилище остаётся герметичным до окончания испытания. Автоматический сброс заблокирован моим приказом.

— А ручной? — крикнул кто-то.

— Не начат.

— Это не ответ!

— Другого сейчас нет.

Толпа загудела. Лада заметила, как матросы у лестницы перестроились, оставляя свободной середину прохода. Они не заслоняли людям путь вверх и не брались за дубинки. Марек предусмотрел даже форму страха.

Мира увидела Ладу.

— Это она строила?

Тим не ответил.

— Временные рамы — я, — сказала Лада. — Старую систему переделывали до меня.

— Всегда до вас.

Женщина отпустила решётку и подошла ближе.

— Мой муж тоже был «до вас». А теперь я не знаю, за что его прощала.

Лада услышала фразу, но смысл не сразу сложился.

— Ваше воспоминание изъяли?

— Моё оставили. Его — выбросили. Он вернулся домой и знал, что виноват. По лицу знал, по моему молчанию, по тому, что дочь запирала дверь. А что сделал — не помнил. Просил рассказать. Я не могла каждый вечер становиться его памятью.

Девочка с сапогом прижалась к её юбке. Значит, не дочь. Внучка.

— Он жив? — спросила Лада.

— Был бы жив — сам бы пришёл спорить с вашим капитаном.

Марек не отвёл взгляда.

— Список Девятого рейса составлял не я, — сказал он.

— А подписал?

— Да.

Гул в проходе исчез. Даже ребёнок перестал плакать.

— Тогда голос не тот же, — сказала Мира. — Имя другое. Бумага та же.

Она подняла сапог, выпавший у внучки, сунула в узел и пошла к лестнице. Толпа двинулась следом, но уже медленно. Не потому, что поверила. Потому что получила имя, на которое можно было сердиться.

Тим остался у лифта.

— Затор снят, — сказал Марек. — Веди людей на верхний пост.

— Там уже двойная вместимость.

— Откройте читальный зал.

— Суд запретил размещать там жителей.

— Суд сейчас на берегу.

Тим кивнул матросам и собрался уйти. Лада остановила его:

— Покажите мне семьи Девятого рейса.

— Зачем?

— Я должна знать, что делает разгрузка после того, как стрелка осадки поднимается.

— Вы видели Миру.

— Одной истории недостаточно для проекта.

— Для сочувствия тоже?

Вопрос был несправедливым. Именно поэтому Лада не стала защищаться.

— Для сочувствия хватило. Для решения — нет.

Тим посмотрел на Марек.

— Отведи её, — сказал капитан. — Сорок минут. Потом к семнадцатой раме.

— У нас испытание, — напомнила Лада.

— Поэтому сорок, а не весь день.

Нижняя палуба начиналась не там, где кончались лестницы. Она начиналась там, где переставали красить переборки.

Трубы здесь были обёрнуты лоскутами, чтобы конденсат не капал в постели. Двери кают отличались занавесками, детскими рисунками, связками сушёных трав. «Палимпсест» задушивали как архив, но люди, обслуживавшие память города, годами жили между его стеллажами. Суд учитывал их как экипажный остаток.

Тим шёл быстро. У каждой второй двери его окликали по имени. Он отвечал, кому куда подниматься, где выдадут воду, можно ли взять кошку. Ни разу не сказал «не знаю». Если ответа не было, говорил: «Выясню у верхнего поста».

— Вы здесь выросли? — спросила Лада.

— С одиннадцати лет.

— А до этого?

— У отца была лодка.

Он коснулся висевшего под рубахой ключа. От футляра с памятью об отце — той самой, что система внесла в список сброса.

- Девятый рейс был при Мареке?
- В первый год его капитанства.
- Сколько воспоминаний изъяли?
- По отчёту — сто сорок два. По людям — больше.
- Это разные числа?
- Одно воспоминание редко живёт в одном человеке.

Он открыл дверь бывшей переплётной. Вдоль стен стояли койки, но никто не собирал вещи. Шесть человек сидели вокруг стола и раскладывали фотографии. На обороте каждой крупно были написаны имена, место и событие.

- Они не слышали объявления? — спросила Лада.
- Слышали. Заканчивают проверку.
- Пожилая женщина протянула снимок мужчине напротив.
- Кто это?
- Я.
- Где?
- Южный мол, после шторма.
- Почему рука перевязана?

Мужчина посмотрел на собственную ладонь.

- Не знаю.

Женщина записала ответ в тетрадь.

— Они проверяют остатки перед каждой эвакуацией, — объяснил Тим. — После Девятого рейса у всех шестерых пропали разные части одной ночи. Если футляры снова переместят, они хотят знать, что изменилось.

- Изъятие не должно повреждать соседние эпизоды.
- Не должно.

Лада присела у стола.

- Можно посмотреть записи?
- Нет, — ответила женщина.
- Я архитектор новой системы.
- Поэтому особенно нет.
- Мне нужны типы последствий, не содержание.
- Тогда спрашивайте о последствиях.

Лада убрала руку от тетради.

- Что изменилось после изъятия?

Мужчина с фотографии ответил первым:

— Я перестал выходить на Южный мол. Не знаю почему. Ноги сводит ещё у рыбного ряда.

- Навык ходьбы не потерян, — сказала Лада скорее себе.
- Спасибо, архитектор. А то я боялся, что сию неправильно.

Женщина рядом с ним произнесла:

— Я не помню одну ссору с сестрой. Помню, что после неё мы не разговаривали три года. Когда запись выбросили, я позвонила ей. Она решила, что я издеваюсь.

- Вы помирились?
- Нет. Но теперь я не знаю, за что прошу прощения.

Третий, худой юноша, был слишком молод для Девятого рейса. Он заметил взгляд Лады.

— Изъяли у матери, когда она была беременна. Я ничего не потерял. Просто всю жизнь знаю, что в доме есть дверь, которой никто не видит.

- Последствия передались без эпизода, — сказала Лада.
- Мы не материал для вашего расчёта, — отрезала пожилая женщина.

Лада закрыла рот. На языке уже стояли вопросы: повторяемость снов, телесные реакции, изменение привязанностей. Нужные вопросы. Жестокие, если задать их прежде разрешения.

— Что вы хотите, чтобы новая система не делала? — спросила она.

Люди переглянулись.

— Не называйте дыру облегчением, — сказал мужчина.

— Не заставляйте близких пересказывать то, чего человек больше не может разделить, — добавила женщина.

— Не считайте нас исправленными только потому, что мы не можем назвать причину боли.

Пожилая хранительница закрыла тетрадь.

— И не обещайте сохранить всё. Нам уже обещали.

— Я не обещаю, — сказала Лада. — Я хочу построить способ не выбирать одну версию главной. Но не знаю, выдержит ли он весь груз.

— Тогда так и запишите.

Она протянула чистый лист, не тетрадь с их ответами. Лада написала: «Архитектор не гарантирует сохранение всех эпизодов. Цель испытания — удержать последствия без принудительного отрицания и без изъятия. Любой перенос требует согласия владельца, кроме непосредственной угрозы жизни, ответственность за которую принимает названный человек».

— Названный человек кто? — спросил юноша.

Лада подумала о подписи Марека.

— Для капитанского сброса — капитан. Для конструкции — я.

Она подписала.

Пожилая женщина поставила рядом время и прикрепила лист к стене.

— Теперь можете смотреть, как мы проверяем фотографии. Не записи.

Сорок минут закончились через двадцать семь. Тим вывел Ладу в коридор.

— Почему они остались? — спросила она.

— Здесь их вещи.

— В объявлении сказано уйти.

— Сказано перейти на верхние посты. Они перейдут, когда закончат.

— Марек знает?

— Капитан знает количество людей на каждой палубе. Но не всегда знает, почему они ещё там.

Из соседней каюты вышла Мира, уже без узла. Внучка держала её за два пальца.

— Передумали брать вещи? — спросил Тим.

— Отнесла наверх. Вернулась за ней.

Она кивнула на дверь. В каюте у иллюминатора сидела женщина лет сорока и расчёсывала волосы. Гребень проходил по одному месту снова и снова.

— Это моя дочь, — сказала Мира. — Та, которая запирала дверь от отца.

— Почему она не выходит?

— Боится лестниц.

— После разгрузки?

— После того, чего не помнит.

Лада вошла не дальше порога.

— Как вас зовут?

Женщина посмотрела через зеркало.

— Вера.

— Вера, нижняя палуба может стать опасной. Мы можем поднять вас в кресле через грузовой трап.

— Лифт закрыт.

— Не лифт. Ручная платформа.
— Там открытая решётка.
Гребень снова прошёл по волосам.
— Что поможет?
— Ничего.

Мира хотела возразить, но Тим поднял ладонь.
— Хорошо, — сказал он. — Мы будем снаружи.

В коридоре Лада прошептала:
— Нельзя просто оставить её.
— Нельзя войти и вынести без согласия, пока нет воды.
— А когда появится вода, будет поздно.
— Поэтому нужно сделать так, чтобы она решила раньше.
— Как?

— Не знаю. Вы же просили показать последствия, а не удобные ответы.

Лада вернулась к двери.

— Вера, я не знаю, почему вы боитесь лестниц. И не буду просить вспомнить. Но могу описать весь путь вверх. Вы решите, какая часть непереносима, и мы изменим её.

Гребень остановился.

— Весь путь?
— Каждый поворот.

Лада села на пол в коридоре и начертила маршрут мелом прямо на переборке. Двенадцать шагов до первого люка. Порог высотой в ладонь. Семь ступеней до площадки. Там низкий потолок и жёлтая лампа. Дальше можно не идти по лестнице, а пройти через сушильную к служебному подъёмнику, если убрать две временные рамы.

Тим присел рядом.

— В сушильне шумит вентилятор, — добавил он. — Его можно выключить на три минуты.

— Там люди? — спросила Вера.
— Сейчас нет.
— Дверь закрывается?
— Не будем закрывать.
— А сзади?

Мира ответила слишком быстро:

— Я пойду сзади.

Вера сжала гребень.

— Нет. Ты впереди.

Мира побледнела, но кивнула.

Лада отметила это не в блокноте, а в памяти: человек мог забыть событие и сохранить точное условие безопасности. Нельзя было проектировать только для того, что люди способны рассказать.

Они прошли маршрут за девять минут. У жёлтой лампы Вера остановилась и попросила всех замолчать. Потом сама сделала семь шагов до сушильни. Когда служебный подъёмник закрылся, Мира заплакала. Внучка вложила ей в руку деревянную ложку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.